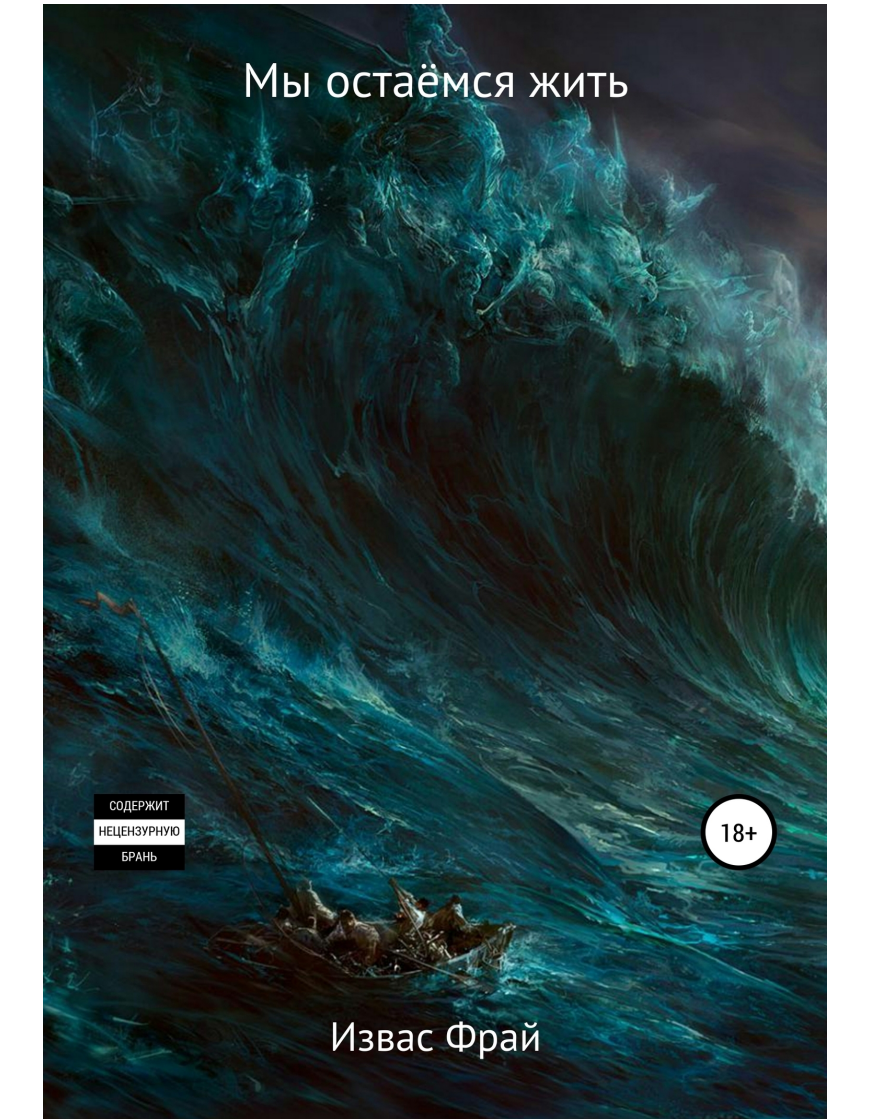

Мы остаёмся жить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Извас Фрай

Извас Фрай

Мы остаёмся жить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55841315

SelfPub; 2020

Аннотация

Спустя три тысячи лет он решает умереть. Но если бы всё было так просто... Многие века он искал смерть. И нашел её. Но прежде, чем уйти из жизни, бессмертный должен рассказать свою историю любимой – от детства в древнем этрусском городе до должности посла Марса на Земле. Вдвоём они отправляются в своё последнее путешествие. Странствуя по городам, они открываются друг другу с новых сторон, отвечают на главные вопросы вечности и стремятся узнать, что такое бессмертие. По пути встречают главного врага, без помощи которого бессмертному не удастся уйти из жизни. Когда все истории будут рассказаны и сведутся к концу, что они оставят после себя? Прожив три тысячи лет, бессмертному предстоит научиться жить, прежде чем он покинет этот мир. И только та, что остаётся жить, может ему в этом помочь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Увертюра	4
Сборка Первая	10
Интермедия Первая	32
Разрушение Первое	42
Танец Первый	78
Интермедия Вторая	111
Бойня №1	120
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Увертюра

В тот день: внезапно пошел снег, несколько машин у меня на глазах чудом избежали аварии; мне пришлось идти пешком против ветра – зато я знал, куда должен попасть. Час спустя я подарил Машеньке последнюю планету; и ей оказалась Земля.

Может быть, ей удастся понять всё, что я для неё сделал. Но приходится признать, что это точно произойдёт не скоро. Чудеса – всегда требуют больше времени, чем мы можем себе позволить. И этот свой подарок – я оставлю ей на прощание. Когда я исчезну, именно эта планета будет каждый раз, цепляя на себе взгляд, отвоёвывать мне место где-нибудь в её сердце.

Я позвонил в дверь, заведя руку за спину. Неделию назад я скачал приложение с роботом-помощником и несколько дней тренировал свою улыбку. Вот так нужно улыбаться – скромно, но настойчиво. Идеальная улыбка требует работы всех мускулов так, чтобы это не было заметно. Я держал её как манекен, пока дверь не раскрылась и улыбка сама собой исчезла – все усилия оказались впустую.

– Ничего себе...

– Ничего бы лучше не говорил. Давай, входи уже, раз пришел.

Она открыла дверь и показалась передо мной в чём мать

родила и мне пришлось отвернуться, чтобы выпустить ухмылку в сторону, а не в неё. Но она всё равно не смотрела. Я воспользовался приглашением и закрыл за собой дверь.

– Ювелир сказал, что все Венеры, Марсы и Юпитеры – давно уже раскупили. На прилавке остался только Плутон, и специально по моей просьбе он сумел найти для меня в подсобке последний экземпляр Земли.

– Ужасная планета.

– Согласен. Но это украшение – куда лучше самой планеты. Только примерь. Это – единственное, что я мог тебе подарить и не бояться, что ты выбросишь его из окна.

– О'кей, гони сюда.

Она надела его, и голубая планета теперь была всего лишь украшением на её ключице, которая даже не могла отвлечь взгляд от того, что было ниже.

– А теперь – уматывай.

Она надела халат и сделал вид, что я ушел.

– Да, я как раз собирался уйти – но не на неделю или месяц, а навсегда.

– Наконец-то.

Она по-прежнему злилась – больше оттого, что не понимала, что происходит. Я думал раньше, что лучше пережить утрату один раз, чем потом страдать от невозможности вернуть того, кого больше всего хотел сохранить. Но теперь, я вернулся. И только я один приношу себе все на свете несчастья.

Жаль, что она так мало прожила и совсем ничего в этом мире не видела. Если она даст мне время рассказать свою историю – то она сможет к своим двадцати четырём годам приплюсовать ещё три тысячи. А если она примет мои слова – то сможет, наверное, и понять меня – а значит, сделает то, чего даже я так и не сумел.

– Я не могу его принять, – сказала она, снимая мой подарок с груди, – я тебе уже сказала: уходи, пожалуйста.

– Раз я пришел, сделай мне хоть чашку кофе.

– Я вылью его тебе на голову.

– Мне хватит и того, что ты его сделаешь.

Чуть приостыв, она направилась к плите.

– Как Антон? – спросил я, – как дела у этого придурка? На какое число запланировали свадьбу? Надеюсь, не доживу до этого дня.

– И я, и он – тоже будем этому очень рады. Это будет лучшим подарком, который только может принести бывший на свадьбу девушке.

У меня начали потихоньку сдавать нервы; никогда не мог терпеть подобные моменты.

– Я желаю тебе только счастья. И, конечно, ты вправе сама выбирать себе балласт на всю оставшуюся жизнь. Но ведь он – простой официант, даже не в самом лучшем ресторане.

– Деньги не главное. И уж твои – нам точно не нужны.

– А потом ты пойдёшь и сдашь мой подарок в ломбард.

– Будь я королевой и живи во дворце – всё равно бы так

и сделала. Ты подсказал мне отличную идею.

– Вам с ним ещё как нужны мои деньги – хотя бы он это понимает. И я не стану ждать, пока вы попросите. Пойми же: я – остался жить только для того, чтобы ты была счастлива, а других причин у меня просто не осталось.

– Что ж, плоховато у тебя выходит.

Я не моргал. Мой рост – чуть больше двух метров, но я всё равно смотрел на неё, будто лежал на земле.

– Я, наконец-то, умираю, – выдохнул я, – всё, что мне удалось накопить за последние годы жизни – я завещал тебе. Раз вы женитесь, то половина законно принадлежит ему. Я знаю, ты не можешь простить меня – никто не смог бы – я и не прошу тебя сделать это. Я никогда и ни у кого не просил прощения – я знаю, сколько зла совершил и что должен быть наказан. И уж поверь: я страдал так, как ты и представить себе не можешь. И рад лишь тому, что этот путь подходит к концу.

Буря внутри неё, кажется, поутихла. Она поставила чашку на стол.

– Чего ты хочешь от меня?

– Всего лишь немного твоего времени, – снова улыбнулся я своей идеальной улыбкой, на которую даже сдал онлайн-экзамен, – одно маленькое прощальное путешествие вдвоём.

Она покачала головой.

– Слишком поздно.

– Твой Антон не будет против. Повозмущается для виду и успокоится, когда узнает, что вас ожидает в конце. Откроете свой ресторан – хоть целую сеть сразу.

– Ничего ты не понимаешь в людях.

– Понимаю. Слишком много понимаю, чтобы спокойно спать.

– О, боже, – зевнула она, – тебя не изменить.

– Правильно, – кивнул я, – а те, кто пытались – давно лежат в земле без своих голов.

– Зачем тебе всё это? Я... я не могу простить тебя только потому, что не понимаю – ровно ничего не понимаю. Ты даже не даёшь мне шанса. Ты – странный, больной на голову псих. Зачем тебе вечно нужно всё усложнять?!

Я снова улыбнулся; теперь – по-настоящему, от тоски.

– Что тебе нужно?

– Я хочу рассказать тебе свою историю. Я знаю, людям бывает трудно иметь со мной дело – и я их прекрасно понимаю. Но теперь, прожив столько лет, я хочу ещё раз – в последний раз – отправиться в путешествие. Но не один. Это займёт, поверь, совсем немного времени.

– Почему именно путешествие?

– Мне всегда нравилось рассказывать истории в пути – просто сидя в кресле у камина это не получится сделать; по крайней мере, не в этот раз, не с этой историей. К тому же, эта поездка и мой подарок – не дадут тебе забыть обо мне, и я останусь жить в воспоминаниях.

– И я так буду тебя помнить. Такое – не забывают.

– Я ведь почти ничего о себе не рассказывал. А что рассказывал – выдумал.

– Я не удивлена.

– Теперь, мне хочется, чтобы ты узнала всю правду.

– А я должна?!

– Тебе решать. Но мне нужно это больше всего. Одно путешествие – одна моя история.

Она молчала. Думала.

– С чего начнём? – спросила она.

Я знал, что она согласится. Страсть к приключениям видна сразу – и её всегда трудно преодолеть. И я снова улыбнулся.

– Для начала, – сказал я, – попробуем собрать чемоданчик. А потом – перешагнём за порог. Со страхом и неуверенностью. Но раз ты согласилась – то всё у нас будет хорошо. Ты никогда ещё не слышала подобных историй.

Я протянул ей руку. Какое-то время, она просто смотрела на неё. А затем, протянула свою в ответ. Она сделала свой первый шаг, с чего всегда начинаются великие путешествия. А это – обещало быть именно таким. Мы собираемся в путь.

Сборка Первая

Эта история началась с убийства.

Годами я винил себя в нём; хоть никоим образом не мог повлиять на исход всех тех событий. Мой лучший друг Гелион должен был умереть – смерть настала от одного единственного удара: тупым ножом убить трудно, но если бить прямо в горло и приложить в удар достаточно усилий – выйдет жестокая расправа, хладнокровное убийство – преступление, оправдать которое невозможно. И я никак не мог предотвратить его или исправить.

Его тело нашли утром – несколько людей вышли из города и направились в поле, и там нашли мертвеца. Всё происходило в километре от Вей – великого и могущественного города, слава которого в былые времена была известна далеко за пределами изведанного мира, но тысячи лет назад угасла как пламя свечи. Всем в этом городе было известно, что лучшим другом убитого был я – поэтому мне сообщили одновременно с его семьёй и стражей города. Его вечно улыбающееся лицо я видел каждый день: не важно, светило ли солнце или с неба на землю падали молнии. Я знал его лучше всех – даже своему отцу, торговцу тканями, он рассказывал меньше, чем мне.

О храбрости и благородстве таких людей, как он – наши предки слагали легенды. Он мечтал быть великим. Он и был

им, хоть и до последней секунды не знал об этом. Пройдут века, прежде, чем я снова встречу такую же силу и такую же доброту в другом человеке. Он мог стать царём – люди пошли бы за ним. Во время боевых игр он одной рукой мог поднять в воздух двоих человек. Не было во всех Вейях ему равных. Кто мог убить его, если не сам дьявол?! Тупым ножом, которым и куска мяса не отрезать – сразить Ахиллеса. Он был идеальным человеком. И он называл меня своим другом.

А затем: умер, хоть мог прожить ещё много лет и совершить множество подвигов, не снившихся самому Гераклу. Но этого так и не произошло. Долго же я винил себя во всём.

Среди прочих жителей моей цветущей родины, граждане Вей отличались длинными чёрными волосами, какие носят варвары, спускающиеся иногда с гор с оружием в руках. Эта черта и отличала моих земляков от всех остальных этрусков. Только Гелион, отец которого пришел сюда из северного города Цери – носил на голове волосы золотого цвета. Только спустя столько лет я осознаю, каким богом он был для всех. Я же – был никем. И с Гелионом встретился лишь по воле случая. Но именно эта случайность сделала нас друзьями на всю жизнь.

Только посмотри на меня: я похож на мужчину средних лет, а на самом деле под этой лживой кожей скрывается человек настолько старый, что это трудно себе вообразить. Ещё сложнее – понять, насколько мне тоскливо. Единственное,

что приносит мне радость, это воспоминания о тех временах, когда Гелион был ещё жив. Прошло почти три тысячи лет – я единственный, кто может вспомнить, какой на самом деле была моя солнечная страна Этрурия.

Большую часть своего детства я провёл среди глины и кувшинов с дивными рисунками – в темноте и сырости. Мой отец был гончаром. Тогда это звание означало совсем не то, что сейчас. Гончары – это те, кто имел ключи к царству мифов и легенд; это те, кто воплощали магию из сказок в жизнь. Мало профессий было в те времена, которые уважались и почитались сильнее.

Отец был тихим и замкнутым – мне всегда казалось в детстве, и я привык думать так до сих пор, что он дышит одной лишь глиной, и разговаривает только с ней. Глина – это целый мир, который больше и прекраснее того, в котором мы живём, и в котором у нас столько неприятностей. Он научил меня так думать; и хоть гончару вовсе необязательно быть отшельником – я стал им с малых лет, даже не думая, что может быть иначе.

До того, как мы познакомились, Гелион всё время проводил с другими беспризорными детьми. Ему и его друзьям всегда было чем заняться. С того момента, как дети этрусков учились ходить – они уже начинали охотиться. Во все времена существования нашего прекрасного народа – это занятие почиталось за высшую форму искусства. Тогда в лесах на одного человека приходилось десять или двадцать зверей,

многие из которых были хищниками. И охота считалась вовсе не истреблением, а способом взаимодействия с миром. Иногда мой отец тоже выходил на охоту; но на все его попытки обучить меня этому делу я смотрел скорее с жалостью. Я любил просто ходить или бегать по лесам. Это всегда было странное, колющее чувство – ведь тело моё так привыкло к сырости и темноте гончарной мастерской. Пока охотники посильнее натягивали луки и точили ножи, я просто пробегал мимо, разворачивался и летел куда-нибудь в сторону полей и холмов.

Но среди всех потомков этрусков мало нашлось бы тех, кто в юном возрасте смог бы сравниться с Гелионом. Опытные охотники часто брали этого золотоволосого мальчика с собой и считались с ним как с равным. Не смотря на это, в один из дней, когда он преследовал дичь, он не заметил ловушки и споткнулся, упав в яму с такими гладкими стенами, что никто не смог бы выбраться наверх.

Любой захотел бы составить Гелиону пару в охоте. Он мог выбрать себе любого, но вместо этого предпочитал всегда выслеживать добычу один. Ни одна живая душа не могла бы сказать наверняка: где он сейчас. Никто и не беспокоился: все знали, что в случае чего Гелион сможет постоять за себя. Но этруски, видимо, слишком много грезили о сказочных подвигах героев из мифов и легенд – они слишком быстро начинают забывать о способностях простого человека. Беспокоиться о нём его родные и близкие начали бы лишь на

третий день, когда с добычей в руках возвращаются последние охотники. Тогда его начали бы искать. Может и нашли бы – но уже мёртвого. И сам он прекрасно понимал это, как и то, что спасти его может только чудо.

Ему бы стоило кричать – так, как он этого никогда не делал. Скорее всего, его бы услышал какой-нибудь охотник. Так сделал бы каждый на его месте. Но не он. Гелион – лучший из всех этрусков, которых я знал – просто сложил руки на коленях, прислонившись спиной к земляной стене ямы и стал дожидаться, пока боги проявят свою милость и спасут его. А если нет – то как он сможет жить дальше зная, что мир отвернулся от него и забыл о нём?! Нет, для него было лучше умереть, чем знать, что нет никакого покровительства богов. Утратив веру в них и в себя – он умрёт, даже если сердце его будет биться дальше, поднимаясь и опускаясь. Он повторял внутренним голосом фразу: «Боги – обязательно пошлют мне духа, который спасёт меня». Он повторял её из раза в раз. Молитва избавляла его от скуки. Силой духа, он тянул время вперёд.

Дух, о котором он просил с таким отчаянием – проходил рядом. Случайности, которые настолько невероятны, что кажутся вымыслом – много раз мне придётся сталкиваться с ними в будущем.

Я помню тот день, будто он был сном, который ребёнок увидел в детстве, а после проносит его через всю жизнь. Я, как всегда ничего не делал – лишь прятался в лесу от лю-

дей и разговаривал с духами, которые не сильно были щедры на ответы. Я шагал между деревьев, вглядываясь в каждый неповторимый изгиб коры, избитой насекомыми – и учился видеть в этих линиях, так напоминающих людскую ладонь свой собственный, лежащий вдалеке от всего мир.

Я остановился под деревом и представил всех немногочисленных своих знакомых без одежды – я говорил им вещи, которые произнести вслух даже на мёртвом языке у меня не хватило бы ни сил, ни духу. И именно в этот момент я услышал его голос, зовущий на помощь.

С того момента, как он попал в яму, прошло уже полтора дня – он успел о многом подумать и всё же решил приложить всю силу голосовых связок на крик о помощи. Он просидел там без воды, питаясь лишь одними жуками, достаточно долго, чтобы даже его дух начинал угасать. Может, он услышал мои шаги и решил схватиться за этот шанс.

– Спасите! На помощь!

Он кричал изо всех сил; но мне его голос показался шепотом. Я понял, что человек нуждается в помощи, но поверить не мог, что это может быть Гелион – герой, о котором при жизни можно слагать легенды. Я нашел ту самую яму и в свете немногих солнечных лучей, пробившихся сквозь мрак – я увидел человека. В моих руках – только в моих – впервые оказалась чья-то жизнь. И только мне одному оставалось решать, как с ней поступить. Конечно же, я привёл дюжину мужчин с верёвкой, которые вытащили получеловека, по-

лу-кусок-земли Гелиона и проводили его до города. Там он вернул себе прежний вид в рекордно быстрые сроки.

После того случая ему стало интересно: кто же был тем самым духом, который пришел к нему на помощь и благодаря кому он остался в живых. Никто не стал делать из этого тайны и я стал героем дня. Это стало большим сюрпризом для меня; но ещё больше – для самого Гелиона. Этим духом оказался я – человек, который каждый день изгоняет себя из общества – и это было известно всем.

Мы не обменялись ни единой фразой до этого момента. Теперь, мы стали друзьями. Он думал, что боги, которым он приносил молитвы каждый час своего заточения, – после меня спасли его, чтобы он мог спасти меня. Именно так – я тоже упал в яму, а точнее – продолжаю в неё падать. Теперь настала очередь Гелиона протянуть мне спасательный канат. И он сделал это – за что я никогда не смогу его забыть. Именно ему пришлось учить меня настоящей жизни и преподавать уроки, которые вскоре окажутся бесценными.

Наши с ним судьбы разыгрывались во времена, оставившие след не только на нас самих, но и на карте мировой истории.

Независимое и могущественное этрусское государство состояло из союза двенадцати великих городов. Самыми влиятельными из них были: город купцов – Тарквиний; город воинов – Цери; и город художников – Вейи. Только вместе наши отважные воины и мудрые полководцы могли дать от-

пор ордам варваров, наступающих с севера и грекам, приплывшим с моря. Были времена, когда на всём полуострове не было равных нашему союзу по силе. В те славные годы – в возникшем на семи холмах Риме стояли наши цари и диктовали этрусские законы. Но времена эти давно прошли. Римляне изгнали Тарквиния Гордого и установили свою власть. Великие города рассорились между собой и союзу с каждым годом медленно наступал конец. С севера вновь наступают варвары. Раньше Вейи могли положиться на своих союзников, которые закрыли бы своими щитами ворота нашего города. Но теперь Рим собирает силы. Всего один день пути разделяет нас. Вейи не раз уже вступали во вражду с ним – и каждый раз выходили победителем. Но в этот – судьба может обернуться против нас.

Но нас с Гелионом – все эти события нисколько не касались. Панике поддавались одни лишь старики – но что с них возьмёшь?! Они прожили четыре и более десятков лет. Скоро пройдёт их время. Они не боятся за себя. Они опасаются за то, что останется после них. Мы же – были молоды и в головах у нас витал совсем иной ветер. Гелион учил меня жить.

Он всегда говорил без умолку – казалось, одного языка ему недостаточно, чтобы сказать всё, что вертелось у него на уме. Разговор всегда шел о самых разных вещах. А в те годы нас интересовало всё без исключения.

Гелион был умным. Он умел творить волшебные вещи. Его отец нажил хорошее состояние на своих тканях, а пото-

му мог устраивать встречи сына со странными старцами, которых все называли «философами». Я до сих пор не могу понять – почему? И что в этом такого важного? Тем не менее, Гелион говорил, что благодаря ним, он становится умнее. Мой отец – никогда не учил меня ничему, кроме гончарного ремесла и охоты. Он лепил кувшины, а затем расписывал их рисунками из разных легенд. Благодаря ним я узнал много историй – даже те, которые неизвестны старикам, любящим потрепать языком перед детворой вечером у костра. Но к науке – я не мог ни дотянуться, ни увидеть в ней смысл краем глаза сквозь щель в стене.

Гелион – стал одним из первых моих окон в понимание природы. Он любил повторять, когда мы вместе с ним гуляли по городу и его окрестностям:

– Философия – это наука о человеческой мысли и познании.

– И что это значит?!

– Посмотри вокруг: что ты видишь?

Изо всех сил я старался увидеть больше, но заметить мог только одно:

– Природу. Пейзаж.

– Ты видишь пейзаж в целом, а так же мелкие его детали.

Он прекрасен. Мы любимся природой каждый день. Приносим свои молитвы богам каждый день. Но мы совсем не понимаем, почему она такая, какой мы её видим. Мы не знаем из чего состоит наша жизнь и наш мир. Философы говорят,

что человек проживает одновременно две жизни: внутри и снаружи себя. Эти две жизни связаны, так как всё сделано из одного материала. Понять из какого – значит понять обе стороны жизни.

Затем, он начинал снова:

– Философия задаёт лишь два вопроса: как и почему? И пытаясь получить на них ответы – мир вокруг нас становится всё более ясным и понятным. Философы говорят, что ни на один вопрос нельзя ответить полностью, а иногда не удаётся даже приблизиться к ответу. Но именно по пути к нему происходит всё самое невероятное и удивительное, что только есть в этой жизни – что только может произойти с человеком.

Он мог начать говорить с любого места, переставлять слова местами или декларировать речь задом наперёд – смысл в ней для меня не изменился бы. Не вспомню даже, сколько лет понадобилось мне, чтобы эти слова обрели хоть какой-нибудь смысл для меня – и то лишь тогда, когда я пришел к нему своим путём. Главное в нём – вовремя остановиться. Путь познания ведёт в пустоту, из которой уже не выбраться, один раз оказавшись там.

– В этом мире, – сказал Гелион, – ничего нового уже нельзя открыть. Наша Земля – стара. И все достижения учёных – лишь объяснения достижений наших предков. А потому, мой друг, мы живём во время, когда человечество уже получило все знания, которых только могло достичь.

Так говорил Гелион три тысячи лет назад.

Мы жили спокойной и насыщенной жизнью: много работали, много проводили времени друг с другом – нам было о чём поговорить. Так проходили годы, пока мы становились всё взрослее и взрослее до тех пор, пока нас уже можно было назвать мужчинами. И своё будущее мы видели хоть и как в тумане, несмотря на предсказания оракула – но сквозь мглу неведения, до наших глаз пробивались светлые лучи. Мы стали бесстрашными.

Прошло столько времён – все те моменты слились воедино. Годы кажутся мне теперь за секунды. Они пролетали быстрее, чем садилось солнце на горизонте. И ещё быстрее – в один момент всему был положен конец.

Мы думали, что это будет простая прогулка – сотни или тысячи таких мы уже проходили и всё всегда заканчивалось гладко. Но тот раз – перечеркнул все предыдущие и определил мою судьбу на многие столетия вперёд.

С первого взгляда место, к которому мы пришли, казалось самой обыкновенной норой. Может, такой она и была. Но когда мы пришли – для Гелиона, а значит и для меня, она перестала быть таковой. Ему хотелось проверить, чья это была нора. Я к тому времени видел их уже достаточно, чтобы с первого взгляда сказать, что она была змеиной.

Он осмотрел землю вокруг этого отверстия, которое уходило не вглубь, а как бы под подушку почвы. Гелион долго ходил вокруг неё, явно мучаясь вопросом, произнести вслух который он либо не мог решиться, либо просто не хотел.

Пока он занимался не пойми чем, я сел на землю и стал подбрасывать камни, чтобы поймать их в воздухе – я готов был сделать что угодно, лишь бы убить время, пока мой друг убивает себя всякими бредовыми идеями в голове. Я знал, что скорее всего, Гелион скажет мне засунуть руку в нору, чтобы проверить свою теорию. Я же – просто не смогу ему отказать. В те времена: я вообще не умел говорить «нет» и потому часто страдал. И кого ещё я мог винить в этом, кроме самого себя?!

Я думал: сколько же времени ему понадобится, чтобы подойти и спросить меня. Я смотрел на него деланно равнодушными глазами и не мог не заметить, как он всячески старается не поворачиваться в мою сторону.

Наконец, он не вытерпел этого внутреннего одиночества и подошел ко мне.

– Итак, по всему видно, что это кроличья нора.

Раз он так говорит – значит, нора точно змеиная. Хотя мы и были лучшими друзьями – с ним лучше всегда быть на чеку.

– Если нам повезёт, то мы сможем поймать кролика в его собственной норе – разве не отлично?!

– Может быть.

Мне с самого начала не нравилась эта идея.

– Но для этого – нам нужно проверить: действительно ли эта нора кроличья. Так что, засунь туда руку и всё станет ясно.

– А если кролик укусит?!

– Не укусит. Просто протяни туда руку – как можно глубже. Скажи, что ты там чувствуешь; и всё станет ясно.

Что ему будет ясно – не знал ни я, и никто. Но я всё равно сделал это. В те времена, мне было всё равно, что со мной может произойти. И я не боялся ничего.

Я входил в неё медленно: сначала только по ладонь, затем по локоть и наконец по плечо. Чем глубже я заходил в неё – тем земля становилось на ощупь плотней и холодней – может быть, до этой темноты возможно было даже дотронуться. Я ждал укуса: кролика, змеи или какого-либо другого существа, обитающего в норе. Если хозяина в это время не было дома, то я должен был уже нащупать что-нибудь, что дало бы представление о владельце этой дырки в земле. Но это надеялся и Гелион.

Но ничего такого не происходило. Мои пальцы проходили всё дальше и дальше, и не ощущали никакого сопротивления на своём пути. И вот, когда я уже не мог засунуть её ещё глубже, моя рука самими кончиками пальцем нащупала какой-то предмет. Сначала, я подумал, что это конец норы; но я ошибся. Предмет оказался намного плотнее земли, и я заметил, что если сделать над собой усилие и попытаться засунуть руку ещё глубже – то предмет можно было бы придвинуть к себе, схватиться за него и вытащить наружу.

– Ты на что-то наткнулся?

– Сейчас, там что-то есть.

Я сделал всё, что мог, чтобы залезть ещё глубже. И в конечном итоге, мне удалось схватить этот камень(?) всей ладонью и вытащить его наружу.

Это оказался вовсе не камень. Мы очистили с него землю и увидели, что это была чаша, сделанная из металла зеленоватого цвета. Гелион смотрел на неё в моих грязных от земли пальцах, не видя ни них, ни моей руки, ни меня самого. Всё, что заняло его внимание, весь спектр его интересов и весь мир в ту минуту – была эта чаша из неизвестного зелёного металла. Ещё немного поцарапав её ногтями, я разглядел на ней сюжет из мифа о Тине, сражающимся с демоном Тухулку – правителем преисподней. Эта древняя этрусская легенда: мой народ верил, что эта кровавая битва идёт от начала времён и будет длиться до самого конца. Этруски верили, что живя на земле, человек помогает в этой битве Тину – богу жизни; а умирая без должной церемонии, которую провести могут лишь жрецы из Цери – встаёт после смерти на сторону Тухулку – демона, принимающего облик всего самого страшного, что есть в этом мире. Поэтому, этруски так много времени уделяли церемониям, ритуалом погребения и волшебным рисункам на стенах своих гробниц; или же просто на чашах и амфорах. Моя семья занимается этим искусством уже много поколений, и я знал о нём достаточно, чтобы сказать наверняка: эта чаша – шедевр, каких есть лишь единицы во всём подлунном мире. Сокровище, достойное одних лишь царей. Когда-то великие мастера изготавливали их, на

одну чашу готовые потратить полжизни. Теперь, мой народ занят изготовлением оружия, чтобы защитить себя от варваров, от греков и самых своих кровных врагов – римлян.

– Эта чаша – святая, – сразу сказал Гелион и посмотрел на меня, – ты знаешь, что это значит?

Конечно же, я знал.

– Вода и вино из этой чаши – становятся волшебным лекарством; или смертельным ядом – зависит от самой чаши и того, кто из неё пьёт.

Слова, которые он произнёс – присутствовали почти в каждой легенде про великие чаши; но до этого дня никто из живущих на земле не смог бы доказать мне, что они существуют на самом деле.

Гелион задал только один вопрос:

– Кто будет первым?

В ответе на него – нечего было и сомневаться.

Мы вернулись в город и набрали из колодца воды. Отойдя в сторону – подальше от любопытных глаз – Гелион наполнил кубок чистой водой до краёв и протянул его мне. И я знал: либо в нём окажется лекарство, которое навсегда избавит меня от всех болезней; либо в нём окажется яд, я напьюсь его и погибну.

Перед тем, как сделать глоток: я решил на всякий случай вспомнить всё, что произошло в моей жизни. Вначале: было ничего; а затем, появились моя дружба с Гелионом. Не очень богатая на события жизнь. А что могло бы ждать меня

дальше? Участь, которая постигла моего отца и моих старших братьев, которые отправились в другие города, чтобы заниматься всё тем же гончарством?! Сидеть целыми днями над кувшинами и амфорами, и вычерчивать на них красивые сюжеты из жизни легендарных предков, но и не мечтать повторить их подвиги?!

В легендах говорится, что иногда выпивающие из чаш хотят напиться яду больше, чем излечиться от всех болезней. С каждым из нас в жизни происходит хотя бы одно событие, которое вполне могло бы стать легендой. И этот момент для меня настал. Если вода окажется ядом – я буду тем, кто во имя чудес не отказался и от смерти.

Я выпил всю ледяную воду из чаши одним глотком, чуть не подавившись. Капли падали с моих губ на землю и я смотрел вниз. Но ничего, кроме адского холода, я не почувствовал.

– И как?

Я покачал головой.

– Ничего.

– Теперь, моя очередь выпить.

Он снова наполнил чашу из неизвестного зелёного металла до краёв так, что вода выходила за край. Он застыл на какое-то время и затем решился. Опустошив чашу вновь, он тоже ничего не почувствовал. И тогда я увидел, как Гелион разозлился – он никогда не впадал в ярость настолько сильную, как эта. Он бросил взгляд на чашу, а затем выбросил её

в колодец. Ещё никогда до этого я не видел его таким. Это был новый Гелион – разочарованный в чудесах.

Он не хотел разговаривать и отвечать на мои вопросы – простые слова, которыми я пытался его успокоить, больше не значили для него ничего. Он разозлился так, что чуть не набросился с кулаками на невинного прохожего, который просто остановился рядом и спросил, как у нас дела. Но мне удалось его успокоить – он был вне себя настолько, что я легко схватил Гелиона за руки и его же приёмами уложил на колени своего друга. Только после этого ему кое-как удалось привести себя в порядок и с притворным лживым раскаянием глядя в глаза окружающим – он направился домой, даже не попрощавшись со мной.

Только под вечер я вспомнил, что вода из чаши – имела какой-то необычный вкус, непохожий ни на один из тех, что мне когда-либо приходилось пробовать; но он был слабым – сложно было сказать, на что тот был похож – скорее, на что-то среднее между недожаренным мясом и сырым овощем. Поэтому, я сразу не придал этому никакого значения.

Все мои мысли на остаток дня были полностью посвящены одному Гелиону и его внезапной вспышке ярости. Я понимал его чувства о том, что чаша оказалось самой обыкновенной, несмотря на металл, из которого была сделана и магические рисунки. Но всё это – никак не могло быть поводом для того, чтобы довести одним этим Гелиона до состояния голодного демона, сорвавшегося с цепи.

Но затем, я решил от мыслей перейти к действиям и направился к Гелиону домой. Дверь он открыл; но сразу после этого, прижался к какому-то углу и заслонил лицо руками. Меня встретили его родители: отец Гелиона никогда не терял каменного взгляда торговца, никогда не отступающего ни перед чем. Его жена была такая же – женщина без сомнения мудрая, но до отвращения жестокая. Вместо слов приветствия, она сказала мне:

– Тебе не стоило приходить. Гелион с самого рождения получал всё, чего хотел. Ему стоит немного погрузиться и не разговаривать ни с кем. Это должно сделать из него настоящего человека, а не духа из песка и ветра. Ты ведь тоже не раз разочаровывался. Просто оставь его – и он придёт в себя другим человеком.

Отец ничего не сказал. А я просто не стал отвечать. Я сел рядом с Гелионом и взял его за руку. Я пытался завязать с ним разговор о том, что произошло. Затем, я сделал попытку поговорить о чём-нибудь другом, о чём мы всегда могли вести беседы часами. Ничего. Я начал затрагивать самые болезненные темы, теперь уже с единой целью – выдавить из него хоть слово. Но он был как скала, которую сколько не бей палкой – останется на своём месте.

Я беспокоился за него и уже собрался остаться вместе с ним ночевать. Но его отец угостил меня отваром из горьких трав, взял меня за плечо и попросил уйти.

– Мы сами позаботимся о своём сыне, – сказала мать Ге-

лиона, – можешь больше не приходиться.

– Думаю, он придёт в себя уже завтра. Тогда-то вы и встретитесь, – сказал его отец, – а пока, не думаю, что тебе следует здесь оставаться.

Он тоже глядел на меня не моргая. Я в последний раз бросил взгляд на своего друга. Мне казалось, что я продолжаю смотреть на него, даже когда дверь перед моим лицом захлопнулась и наступила ночь.

А под утро – его нашли убитым в поле, неподалёку от города.

У меня не было никаких оснований связывать чашу с его смертью. Уж больно это походило на самое простое совпадение. Я бы конечно не стал связывать два эти происшествия, если бы не то, что произошло со мной в ночь его смерти.

Мне не спалось. Не помогали ни отцовские отвары, ни приношения в жертву богам двух комаров. Моё тело было тяжёлым, а сознание усталым – как после трёх бессонных ночей. Но как-то провести это бездонное ночное время я должен был. Остаться дома было мучительным и я решил выйти на улицу.

Вейи, которые мы с Гелионом изучили вплоть до последнего камешка и днём, и ночью – теперь казался мне до боли одиноким. Я единственный(?), кто не спал в эту ночь; и пока все, кого я знал мяли своими тяжёлыми телами постели – я был изгнан самим собой из собственного дома на улицу и обречён топтать его каменные и земляные улочки в компа-

нии безмолвных площадей, домов и переулков – до рассвета ли?..

И я шел так: в никуда, по кругу; упивался своим безумным одиночеством, пока на углу одной из улиц не встретил его.

У него был ястребиный клюв и клубок змей на голове вместо волос; но тело у него было человеческое, хоть и напоминало больше скалы мускулов, которыми обладают одни лишь боги и герои; из одежды на нём была лишь набедренная повязка. Его голос был как рёв льва и плач младенца; как шелест листвы и раскаты грома. Описать это невозможно, но достаточно один раз услышать, чтобы запомнить это на всю оставшуюся жизнь.

– Это ты тот, кто достал мою чашу из норы и выпил из неё воды? – спросил он.

Я набрал в грудь как можно больше воздуха и ответил:

– Да. Это был я.

– Но ты ведь был не один, – чуть не закричал он так, будто собирался расплакаться, – ты был не один, с тобой был ещё кто-то.

Передо мной стоял не кто иной, как сам демон Тухулку – лгать ему было опаснее, чем прыгать с обрыва в бездну.

Внезапно, мне захотелось спать. Веки мои стали тяжелее камня и у меня не осталось никаких сил защищать Гелиона, взяв всю вину на себя.

– Да. Со мной был мой друг.

– Он выпил из моей чаши первым?

– Нет, ужасный Тухулку, первым из неё выпил я.

– Это ты был тем, кто бросил мою чашу в колодец?

– Если ты тот, о ком слагают легенды, то ты сам должен знать это. Нет, это был не я. Но кто – я не скажу тебе, Тухулку.

– Ты совсем не боишься меня?

– Те, кто встретили тебя один раз – уже не увидят рассвета. Так чего мне бояться теперь, раз не уйти мне от тебя живым?!

Я так и сказал ему; и чуть не свалился от бессилия перед ним на землю. Если бы я упал – то потерял бы сознание: заснул ли тогда бы навсегда?! Но вместо того, чтобы оскорбиться, демон нашел мои слова смешными.

– Небо, – указал он пальцем, толстым как колонна, на звёзды, – разделено на шестнадцать частей между шестнадцатью богами. Земля разделена на сотни частей между сотнями народов. А загробный мир и мир духов – всецело в моей власти. И я – не мелочный убийца, если ты так думаешь обо мне. Мне не нужна твоя жизнь. Я зол, потому что спрятал на земле чашу, выпивший один раз из которой – станет бессмертным. Один человек тысячи лет тому назад уже находил её – и живёт до сих пор. И будет жить дальше. Я зол, потому что первый, кто нашел самое бесценное сокровище этого мира – выбросил её в колодец, который не простоит и сотни лет. Но я – вовсе не виню тебя; я злюсь только на твоего друга. Ты же – не сделал ничего, что не должен был.

Поэтому, я дам тебе то, о чём никто из живущих не смеет и мечтать – память. Твоё тело не умрёт и будет помнить всё, что происходило с ним за все годы, которые тебе предстоит прожить. И только спустя тысячи лет, когда ты найдёшь второго бессмертного, ты вместе с ним выплатишь все долги на этой земле. Когда вы оба станете свободными – бессмертие покинет вас и вы превратитесь в прах. Я давно ничего подобного не делал с людьми. Интересно, что выйдет из этого на этот раз.

И с этими словами, демон преисподней исчез. А мне не оставалось ничего, кроме как с пустыми глазами сделать самый разумный и правильный поступок за очень долгое время – отправиться спать.

Интермедия Первая

Смотри внимательно.

Сцена из окна придорожной закусочной: большая птица срывается с ветки и налету хватает когтями маленькую птицу. Та из последних сил пытается спасти свою жизнь и вырваться из объятий смерти; но большая птица своим огромным клювом в несколько ударов сносит маленькой голову. И они обе летят вниз, оставляя за собой воздушный след из маленьких и больших перьев, окрашенных кровью. Насладившись трапезой, большая птица улетает, оставляя за собой лишь комок раздробленных костей.

А я – делаю глоток кофе и разворачиваюсь к Машеньке, вернувшейся к моему столику со стаканом молочного коктейля в руке и трубочкой во рту.

– Ты выглядишь грустным. Задумался над чем-то?

Я поворачиваю голову в сторону окна и тут же отворачиваюсь, глядя теперь в кофейное пятно на столе.

– Да так – ничего особенного.

Жестокость природы – никогда не удивляла и не поражала меня.

А о моём собственном образе жизни – моей жестокости к самому себе – можно было уверенно сказать одно: прожигать свою личную бесконечность – это моё любимое занятие. Я ненавижу свободное время – оно для меня как проклятие.

Но другого – для меня просто не существует.

Однажды, я решил отправиться в Калифорнию – это был четвёртый или пятый раз в моей жизни. Ничего особенного не произошло – впрочем, как всегда. Только дуракам приходит в голову теперь говорить о приключениях, которые на самом деле – простая рутина, о которой и нечего говорить. В тот раз я прибыл в золотой штат в конце шестидесятых годов двадцатого века – мало кто помнит, какие это были времена – разве что, из учебников истории. Больше всего из этой поездки мне запомнился разговор с одним типом, отрастившим себе волосы до колен. И этот сумасшедший с первых своих слов показался мне чуть ли не самым разумным человеком на всём западном побережье. Я просто выпивал в баре, а он сидел рядом со мной в разноцветной рубашке. И тут ни с того ни с сего заговорил, обращаясь не ко мне, но будто к барной стойке, вентилятору над головой и всему Сан-Франциско в частности:

– Алкоголь – отличный антидепрессант; до поры, до времени, пока не станет сильнейшим депрессантом.

Хоть в этих словах и не было ничего для меня нового и уж тем более особенного, но они всё равно надолго засели где-то глубоко в остатках моих чувств и я решил поставить ему пиво. Между нами завязался разговор. По мере разговора, я поделился с этим незнакомцем, чьего имени я так и не узнал, самыми тяжёлыми вопросами, уже давно терзавшими мою старую гнилую душу. Тогда, он сказал:

– Если ты получаешь удовольствие от прожигания жизни – лучше всего тебе будет сделать какую-нибудь самую безумную и бесполезную для тебя штуку: выучи латынь, отправься в путешествие по Китаю без денег, напиши сборник стихов и сожги его, создай рок-группу...

И как я мог ему объяснить, что на момент нашего разговора всё, что он мне предложил (кроме последнего пункта, к которому я впоследствии не раз возвращался) я уже сделал; а некоторые вещи – даже не один раз.

После этого я понял, что говорю не с разумным человеком, а скорее со стеной, у которой меньше шансов меня понять, чем курице станцевать балет. Тогда же я понял, что разговор с любым человеком приведёт меня всё в тот же тупик: в один миг я пойму, что разговариваю и пытаюсь доказать что-то пустоте.

Тогда я расплатился за нас двоих и вышел из бара, больше не возвращаясь к этому вопросу. Некоторые вещи – следовало бы понять намного раньше, чем нам это удаётся. Но есть и такие истины, с которыми трудно смириться и за сотню лет. С этими словами я и хожу среди людей, не разговаривая с ними без крайней необходимости. Но теперь, мне стоит попытаться вновь завести этот разговор – постараться объяснить всё так, чтобы Машенька смогла меня понять. Моя главная задача – забыть всё, что меня ограничивает – и рассказать всё, как оно было, как оно и остаётся. По таким ведь правилам это работает?

– Ну что, как тебе начало моей истории? – спросил, наконец, я, заказав ещё одну чашку кофе.

– Ничего. Хорошая сказка. Я, конечно, не понимаю при чём здесь Древний Рим и прочая ерунда – мы ведь не на уроке истории. Я вот слушаю тебя – слушаю и всё жду, когда ты наконец скажешь мне то, что собирался сказать на самом деле?! Или ты серьёзно позвал меня с собой, чтобы рассказывать мне это: убийства, произошедшие три тысячи лет назад, демоны, оборотни, волшебные чаши...

– Там не было оборотней.

– А скоро будут?! Я уже не могу дождаться.

Я прикрыл лицо ладонью. Может, с самого начала это было ошибкой? Впрочем, чего я ожидал?! Что она поверит мне с первого слова?! Так всегда бывает, когда я пытаюсь говорить серьёзно: все либо думают, что я шучу, либо считают, что сочиняю сказки.

Страшненькая, но милая официантка принесла мне чашку кофе; времена идут, а они остаются всё такими же. По первому глотку я понял, что этот напиток – не стоит ничего.

И я разозлился: на кофе, на Машу, да и навесь мир; и стукнул кулаком по столу – неожиданно для всех, даже для самого себя. И вот спустя невыразимо долгие три секунды какого-то совсем уж дурацкого замешательства, я начинаю бубнить какие-то слова: извиняться, обращаясь то ли к Машеньке, то ли к страшненькой, но всё же милой официантке, которая всё равно уже слишком далеко, чтобы что-либо

услышать. Лучше бы я этого не делал – тогда, мне удалось бы сохранить хоть какие-нибудь остатки достоинства. Добрая треть чашки вылилась, образовав вокруг себя лужу тёмно-коричневого цвета. Маленькие капельки кофепрода проливались на пол.

– Прости, я немного перенервничал. Конечно же, ты можешь думать о моей истории, что угодно. Я ведь только затем, чтобы рассказать её – и ничего больше.

Я всё-таки сделал второй глоток, а за ним и третий.

– Но чего мне точно не хочется – так это продолжать наш разговор здесь. Я бы с огромным удовольствием очутился в каком-нибудь другом месте.

Кафе-бар «Чумацкий Шлях» затерян где-то по дороге от Запорожья до Мелитополя; то есть между самой задницей мира и ещё большей. Раньше здесь была степь; теперь двухэтажные поля, чтобы вырастить как можно больше всего. Если голоден – вероятность отравиться здесь на порядок ниже, чем в соседних кафе-барах. Но после обеда: единственное желание, которое возникает у тебя – убраться отсюда как можно дальше и скорее.

Я шел с Машей по шоссе. Мимо нас проносились автомобили. До Мелитополя оставалось минут двадцать на машине. Кажется, я шокировал её тем, что отправились мы не в Грецию и не в Рим; не в Нью-Йорк или хотя бы Пекин. А в Мелитополь. Но я решил, что это будет неплохой разминкой перед тем, как мы вместе отправимся в Москву. Что прав-

да, сейчас думать и мечтать о столице Западной Российской республики – более, чем просто глупо. Нам нужно думать, как прибавить бы шагу, чтобы добраться до черты Мелитополя хотя бы до ночи.

– Скажи, мы ведь с тобой всё равно ни о чём не говорим, – внезапно начал я, – ты правда не поверила ни одному моему слову?

– И ты мне скажи: тебе нужно, чтобы я верила или чтобы слушала?

– И то, и то – я бы принял с благодарностью. Но больше всего мне нужно, чтобы ты меня понимала, – я вовремя заметил, что мой голос чуть не сорвался на крик и вовремя его приглушил, – больше – мне ничего не нужно.

– Чего ты вообще пристал ко мне – завёл меня чёрт знает куда?! Если бы я не знала, что ты безобиден как мышка – то давно от страха убила бы здесь. А ты ещё и решил, что я должна тебя понимать.

– Это историю я рассказываю не в первый раз.

В пяти сантиметрах от моего плеча пронеслась машина, чуть не сбив меня с ног потоком ветра.

– Я делаю это всё, потому что собираюсь уйти – далеко; мне всё больше и больше кажется, что мой жизненный путь вот-вот оборвётся.

– Найми себе психоаналитика – тебе это в две копейки обойдётся. При чём здесь я?!

– Ты нужна мне.

– Зачем?

На этот вопрос я не нашел ответа. Может быть, я действительно просто теряю время.

Но Маша, внезапно, решила меня успокоить:

– Ты взял меня в это путешествие для того, чтобы рассказать свою историю. А я – согласилась слушать. Половину ты уже рассказал.

– Нет, это даже не начало – так, только вступление.

– Ладно, неважно. Ты ведь взял меня, чтобы вместе скакать галопом по городам, верно?

– Можно сказать и так.

– И читать мне свои истории?

– Да.

– Так давай просто продолжим ехать. Ты будешь говорить, а я буду слушать. И не будем больше ссориться – как и договаривались. Идёт?

– Да. Я только об этом и мечтаю. Но не знаю, – слова, которые я подготовил для ответа, внезапно рассыпались и я никак не мог собрать их воедино, – мне кажется, я начинаю забывать собственную жизнь. О некоторых моментах я умалчиваю; другие – наоборот – не знаю почему, додумываю. Боюсь, я не смогу сразу вернуться к истории обо мне и Гелионе. Все эти годы – она лежала в далёком чулане моей памяти. Я не прикасался к ней. А сейчас, вынув её наружу, я обнаружил, что она вся в пыли. У меня в голове мечутся столько мыслей. Вся эта длинная история, которую я собираюсь

тебе рассказать – на самом деле, она состоит из нескольких историй из разных времён, когда я жил и выживал. Я бы со-
врал тебе, если бы сказал, что все события в этом рассказе
происходили в чёткой закономерности – друг за другом. К
моим годам любому становится ясно, что представлять себе
время в виде прямой линии – неправильно и глупо. Время –
это спираль; и в ней легко заблудиться. Мне было бы легче,
если ты позволишь мне отложить историю о Гелионе и его
убийстве на потом. Я ещё успею её рассказать. А пока, мне
хотелось бы оставить её незаконченной и приступить к сле-
дующему этапу моей жизни – идёт?

– Мне бы ещё тебя понимать – эх, много же ты от меня
требуешь. Ну ладно, тебе решать – твоя ведь история. Я уже
поняла, что ты не успеешь мне её рассказать полностью до
того, как мы дойдём до Мелитополя.

– Это невозможно. Я могу рассказывать её без остановок
– но тогда у тебя всё в голове всё тоже превратиться в кашу
– поэтому, лучше не торопиться.

– Вот и отлично. Вижу, ты изменился в лучшую сторо-
ну после нашей последней встречи. Так что, с тобой вполне
можно провести время. К счастью, у нас его более чем до-
статочно.

– Если твой парень-официант не против.

– Муж-официант. С какой это стати тебя стало интересо-
вать его мнение?! И да, не думаю, что он против, раз в на-
граду он получит пару чемоданов с деньгами.

– Ты бы согласилась разделить со своим мужем-официантом вечность?

– Я бы ни с кем не согласилась её провести. Бесконечность – штука исключительно личная. Раз твоя история про бессмертие, то ты тем более должен это знать.

– О да.

Нам навстречу, со скоростью не меньше ста километров, ехала машина. Внезапно она остановилась на обочине в пяти шагах от нас. Из неё вышел водитель и спросил:

– Это вы заказывали такси?

Маша повернула голову в мою сторону.

– А что?! – удивился я, – ты ведь не думала, что я заставлю тебя ночью тащиться пешком до Мелитополя?! Садись в машину – нас ждёт лучший отель города.

– И зачем всё это?

– Чтобы было.

– Лучший в твоём понимании – это тот, в котором тараканы не набрасываются на людей, а просто мирно проползают мирно?

– Если нам повезёт, в нашем номере вообще не будет насекомых.

– Это уж вряд ли.

Мы сели в машину. На удивление быстро, она доставила нас куда надо. Мы заселились в номер и только заведя кровать, Маша сразу упала на неё, притворившись мёртвой. Я же долго не мог уснуть – глядеть в потолок часами стало для

меня привычным занятием. Я вышел на балкон подышать свежим воздухом. В небе необъяснимо ярко горели звёзды.

Я думал о своей истории. Наверное, единственный способ бороться с воспоминаниями – это рассказывать их снова и снова – пока они полностью не утратят весь свой смысл и не приобретут новый. Эти я и займусь завтра. А пока, стоит ненадолго забыть, где я нахожусь. Не в городе, а во вселенной – где же ещё.

Этой ночью: все звёзды улыбались лишь мне одному.

Разрушение Первое

Некоторые люди пишут прощальные записки, чтобы другие думали, что они собираются уйти из жизни. Но на самом деле, они просто уходят.

Что вы знаете про Аппия Примула?

Что известно каждому порядочному гражданину великого города Рима про Аппия Примула?

Почти ничего – и это стоило ему немалых усилий. Даже те, кто не впервые слышат это имя могут с уверенностью сказать только одно: это человек – изменник; как и многих других, его трудно винить в том, что он родился в своё время.

Зато его отца – Флавия Тиберия – весь Рим знал, как последнего из истинно благородных людей; не именем, но своими действиями.

Говорят (и он сам так говорил мне, хоть и трудно было проверить его слава на истину), что отцом его был легендарный Флавий Стилихон – один из последних римских военачальников – один из последних, кому улыбались боги, посылая ему победы над ордами варваров. Ходили легенды, что Флавий зачал его от медиоланской шлюхи в одном из своих походов. Сам Флавий свою мать и отца не видел в глаза – но охотно считал легенды за истину.

История его семьи покрыта белыми пятнами, неточностями, а местами – откровенными небылицами. Но никто даже

из самых бесстыдных сплетников не стал бы отрицать, что происхождение семьи Флавия не помешало ему стать благородным человеком и совершить множество подвигов во имя Рима во времена, когда вечный город более всего нуждался в этом.

В битве на Каталаунских полях он стоял рядом с Флавием Аэцием. Начиная от простого наёмника, отец Аппия Примула стал одним из самых преданных преторианцев личной гвардии великого полководца. В тот день Аэций достиг триумфа и разбил армию Атиллы. Флавий Тиберий вернулся в Рим вместе с Аэцием. Он верил, что эта победа – возродит утраченное величие империи и орды варваров в страхе сложат своё оружие перед римскими легионами. Но Фортуне было угодно другое. Император отдал приказ о казне Аэция – он был слишком силен и слишком талантлив, чтобы оставаться в живых. Народ Рима верил, что Аэций станет вторым Юлием Цезарем. Но вместо этого последний человек, который мог остановить Атиллу и варваров – был казнён.

Когда Аэция не стало, Рим был обречён. Какая ещё судьба может ждать страну, избавляющуюся от лучших своих полководцев?! Но к тому времени – Флавий Тиберий был уже стариком. Он имел право смотреть без сочувствия на город, умирающий от рук его собственных граждан.

Когда в следующем году король вандалов – великий и ужасный Гейзерих – подошел к Риму, город сдался без боя в обмен на то, что вандалы не будут устраивать бойню. Не

осталось героев, способных держать меч против врага. Две недели вандалы ходили по улицам между семью холмами и грабили его, забирая всё, что жалко было сжечь. Когда не осталось ничего – они просто ушли, оставив римлян наедине со своим позором – живых и бесполезных.

Целый месяц у Рима не было хозяина. Лишенных имущества, заработанного честным трудом за долгие годы, Флавий Тиберий всё равно был в числе тех, кто спасал нуждающихся от верной гибели. За это его и любили. За это четыре его сына всегда могли найти поддержку у римлян. Но вот пятого, по возрасту самого старшего – почти никто не знал в лицо. Он ушел от людей. И Флавий Тиберий долго не хотел придавать его существованию гласности.

Когда вандалы вошли в Рим, Аппию Примулу исполнилось тридцать лет. В день его рождения семья именинника лишилась всего, что имела, хоть и сохранила честь, достоинство и жизнь. Он разочаровался во всём, что было в этом мире; и добровольно исчез для общества и для тех немногих, кто его любил.

Рим – никогда не исчезал и не был разрушен до основания; всегда оставалось то, из чего город мог возродиться вновь и расцветить величием, пусть и лишившись империи. Даже в самые тёмные и сложнейшие из времён, люди здесь оставались жить. В эту животворную силу и верили те, кто приходил на смену старшему поколению. Но Аппий Примул и его отец Флавий Тиберий – не верили уже ни во что. Они

ненавидели друг друга, хоть и были так похожи в свои зрелые годы.

Я хорошо помню ту красную осень: предпоследнего императора Рима Непота убрали в сторону и у самой вершины оказался Ромул. Первого римлянина тоже звали так же. В то время люди уже привыкли к трудностям, постоянному страху и отчаянию. Того, что было, уже никто не надеялся вернуть. Тогда и исчез Аппий Примул, оставив после себя лишь пустые надежды своего отца и клочок бумаги.

За день до этого, в доме Флавия Тиберия родился шестой сын. Его, по старой традиции, назвали двумя именами; но для римского слуха они звучали странно, хоть и с долей поэтичного. Полное имя младенца звучало как Тандемус Сперо Перн; но можно и просто Сперо. И Флавий Тиберий и Аппий Примул – они тоже в конце своих имён иногда добавляли Перн – это было имя их семьи. А Тандемус Сперо показывал, что общее со своей роднёй он имеет только последнее имя; что у него есть намного больше, чем имел его отец и старший брат. «Сперо» – с латыни переводится как «надежда»; а «Тандемус» – произошло от слова «тандем» – «в конце концов» или «наконец». Не нужно долго знать эту семью, чтобы ясно видеть: надежда давно забыл дорогу к их дому и только в мечтах о ней, жена Флавия Тиберия и его сыновья находят покой.

Рождение нового ребёнка – всегда большое счастье для семьи. Особенно для такого старика как Флавий Тиберий.

Теперь, у него ещё один сын и сам он – ещё полон сил. Он радовался этой вести весь день и всю ночь, пьянея от воздуха. А под утра другая: его первый сын исчез и никто не знает куда.

Уже много лет Аппия Примула никто не любил – даже в доме его собственной семьи к нему всегда относились как к незваному гостю. Флавий Тиберий всегда винил себя в духовной болезни сына, потому всячески старался не думать о нём. Но теперь это было невозможно. Его разозлила весть о позорном бегстве. И первые мысли в его голове были те, которые бросают в спину уходящим врагам. Марк, его третий сын – жалел своего брата. Он боялся отца, который пришел в ярость от его слов. Именно Марк и сообщил Флавию Тиберию об исчезновении. Я стоял тогда рядом, а выглядел старый римлянин так, что легко можно было залезть ему в голову. В тот момент глаза его говорили больше, чем могли выразить все слова латинского языка.

- Он оставил записку, – добавил в самом конце Марк.
- Если она для меня – то порви её на части.
- Думаю, не стоит этого делать. Я прочёл её до конца и могу сказать, что он не обращается в письме ни к кому. Скорее, это послание ко всем римлянам – очень поэтичное послание. Мне кажется, вы должна его прочитать, отец. В конечном счёте, любил ли он вас или вы его – он был вашим сыном и неплохим человеком. И вряд ли вы его ещё когда-нибудь увидите.

Тогда Флавий Тиберий рассмеялся.

– Марк, я не видел его в лицо уже десять лет; а в глаза не заглядывал все двадцать – с тех самых пор, как вандалы покинули Рим, ему нет никакого дела до нас. И за всё это время у меня не возникало ни малейшего желания встретаться с этим хамом. К тому же, он не умер, а просто исчез – люди вечно куда-то пропадают, но часто возвращаются. Они уходят туда, где надеются найти своё счастье. Если это было его решение и он даже не сообщил о нём своей семье – то мы уже ничем не сможем ему помочь. Но я думаю, что он вернётся. Ведь он ненавидит людей. А как ему выжить, прячась от общества?! У наши деньги ему было комфортнее жить.

– Ему уже больше пятидесяти. Даже если он захочет, то может не вернуться.

– Тем более – не мальчик уже. И я не собираюсь плакать по самоубийце. И тебе советую выбросить лишний хлам из головы, Марк. Думаешь, я дожил бы до своих лет, если бы предавал всему так много значения?

– Просто прочитайте письмо, отец, – сказал Марк, оставив маленький свиток на столе, – вам всё станет ясно.

Он тактично поклонился в мою сторону, давая мне понять, что никогда не забывал о моём присутствии. После этого, он скрылся за дверью и вернулся к семье. Марк всегда умел исчезать бесшумно, будто это был не он, а ветер. Кажется, этим даром обладают все члены дома Пернов. От гостя остался только свиток на столе.

Флавий Тиберий не замечал меня. Он ходил по кругу и старался не смотреть на свиток. Он повторял про себя:

– Аппий Примул!.. Аппий Примул...

– Может, ты и мне разрешишь прочитывать.

Наконец, он развернулся в мою сторону и удивлённо посмотрел на меня.

– Если хочешь. Но дай я пробегу глазами по нескольким строчкам. Марк сказал, что что-то поэтическое. Развлеку себя немного.

Он повторил имя своего первого сына:

– Аппий Примул... Ты ведь знаком с ним, друг мой? Видел хоть раз?

– Да, пару раз, но особо не говорил. Он ведь заходил сюда несколько лет назад, а я как раз был здесь в это время.

– О, конечно, как я мог забыть. Но ты не многое потерял, так и не поговорив с ним.

– Аппий ведь был затворником. Не думаю, что разговор с таким человеком принёс бы пользу – ни мне, ни ему.

Но Флавий Тиберий уже не слышал моих слов. Он бродил по строчкам глазами как заблудившийся путник в тёмном лесу. Учитывая то, как он относился к своему сыну, такой интерес нельзя было назвать нормальным. Его лицо потеряло здоровый цвет. Я уже начал переживать, что мне придётся провожать в мир иной ещё одного своего друга. Но как палкой не свалишь колонну, так и словам так просто не сбить с ног Флавия Тиберий, которого не смогли сломить даже готы.

Он дочитал до конца; положил свиток на стол и вышел из комнаты так быстро, как не смог бы ни один человек его лет. Эти жестом он давал мне понять, что я тоже могу его прочитать. Марк сказал, что оно не адресовано никому. Я прожил много сотен лет, сохранил свою тайну и видел самые невероятные вещи, какие только может подготовить для человека жизнь. Но вот читать записки, которые люди оставляют всему миру после себя – мне ещё не приходилось. Я раскрыл свиток. Глаза мои упали в текст. Незаметно для внимания, ладонь прижалась к закрытому рту. В письме было написано следующее:

«Слишком многим римлянам в наше время ничего не остаётся, кроме как умереть молодыми. Сложно поверить, но мне повезло. Три дня назад мне исполнилось пятьдесят лет. Если верить нашим завравшимся на заказ историкам, то всю историю нашей цивилизации можно разделить на двадцать две равные части, по полвека каждая. Когда я узнал об этом, то представил двадцать два старика, стоящих рядом друг с другом; двадцать два старых поколения римлян. И последним из них, по неведомым причинам, оказался я. Каждый из нас сам выбирал для себя, на что ему потратить свои пятьдесят долгих лет. Кто-то тратил всё впустую, на войны, на погромы, на грабёж – и годы проходили незаметно. Кто-то строил города и расширял границы. Но всё работало по одному неотвратимому правилу наследственности – всё, что принадлежало предыдущему – ставало собственностью сле-

дующего. И так двадцать один раз история успела прокрутить это колесо. И всё, чего достигли двадцать и один мой предшественник – досталось мне. Мне хватило бы одного прикосновения, чтобы превратить своё наследие в прах. Я не жалею о своей впустую потраченной жизни – мне жаль тех, кто придёт после меня. Я – первое римское поколение, которому нечего оставить для потомков. У меня есть только руины – когда-то, это был самый прекрасный город на Земле. Мы – вовсе не первая в истории цивилизация, переживающая собственную позорную гибель – до нас были десятки других. Три дня назад мне исполнилось пятьдесят лет; три дня назад история Рима подошла к своему концу. Может быть, для многих, это станет началом их историй. И это вовсе не конец римского народа. Ни у кого не хватит сил прогнать римлян из своего города. Люди и дальше будут жить здесь тысячи, десятки ли тысяч лет. Пусть все те, кто захочет остаться – останется и примет свою смерть ради новой жизни. Но я – не собираюсь жить в мире, который приходит после меня. Ни разу в жизни я не путешествовал. Я больше не могу себе позволить тратить время на то, чего я не хочу делать. Сегодня я исчезну. Двадцать лет не покидал улицы, где живу. Теперь, всё изменится. Я не хочу больше видеть этот город; не хочу знать о нём ничего. И вы тоже забудьте о нём – те, кто уже называет себя последними из римлян. Наша империя мертва; но мы – остаёмся жить в ней. Сегодня я исчезну. Я ничего и никогда не знал так ясно и так точно.

Я направляюсь на север – в страну варваров, к руинам своего дома. Не ищите меня, римляне, будь вы моими детьми или отцами. Свои последние дни потратьте лучше на то, чтобы найти себя здесь»

Мне пришлось прочитать это письмо шесть раз, чтобы каждое слово приобрело для меня третий смысл – самый верный. Я успел выучить его наизусть и, как видишь, помню его до сих пор почти слово в слово. Оно – универсально для любого народа, оказавшегося в кризисе, из которого вынырнуть у него уже не получится. Разве что, просто вырезать несколько слов про римлян и вставить фразы про умирающий народ.

Универсальный призыв исчезнуть. Чтобы тебя не нашли. Никто. Нигде. Никогда.

Я испытал те же чувства, что недавно пронеслись в голове у Флавия Тиберия, после прочтения этого текста выбежавшего из комнаты. Не понял я только одного: куда это он направился, оставив меня здесь одного, наедине с письмом? Теперь, мне нужно его найти. Ведь я нужен ему. Он мне об этом не сказал – но меня и не нужно просить. Достаточно просто намекнуть; и я сделаю это.

Я прожил с Римом всю его историю: от начала – до самого конца. И я, как никто другой, понимал, что сказано в этих строчках, где слова указывают не на смысл текста, а показывают читателю путь, по которому следует пройти в поисках истины, которую нельзя передать словами, но к которой

нужно стремиться в каждой букве. То же самое с нами проделывают все великие шедевры литературы. Я много времени провёл в римской библиотеке и прочёл их немало. Могу только представить и ужаснуться, до чего подобные тексты могут довести неподготовленного читателя, которым и был Флавий Тиберий.

Поэтому, я выбежал на улицу и бросился его искать, пробиваясь сквозь толпу, оставляя за собой лишь горячий след из людского недоумения – ведь в Риме уже давно почти никто так не торопится.

Я нашел его в доме, принадлежавшем когда-то Аппию Примулу.

Этот старик расхаживал взад-вперёд по комнате, бросая рассеянные взгляды на богатую мебель вокруг.

– Я бы предпочёл, чтобы меня оставили в покое, – нервно бросил он в мою сторону.

– Если Флавий Тиберий действительно захотел бы, чтобы его оставили одного – целому римскому легиону не удалось бы так просто пробраться к нему, – улыбнулся я, – что действительно случилось с тобой, друг мой?

Он подошел ко мне и доверчиво заглянул прямо мне в глаза:

– Ты прочёл письмо? – спросил он.

Я утвердительно кивнул.

– Мой сын – был прав; римляне действительно стали животными.

Мне показалось, что я ослышался.

– Я не помню, чтобы он говорил о чём-то таком.

– Он всегда знал это. И прекрасно понимал, в какую сторону всё катится. Как я мог всё это время быть таким дураком?! Истина лежала прямо у меня перед носом, но я упорно не замечал её. Мы – стали не лучше тех, с кем так упорно сражаемся. А может, даже и хуже.

– О чём ты говоришь?

Нет, я и правда не мог понять.

– Здесь, в этом доме, двадцать лет жил мой сын, почти не выглядывая за дверь; и лишь изредка соседи видели его в саду. И каждый день, как ты можешь догадаться, он смотрел в окно. Посмотри и ты туда.

Я подошел к широкой щели в стене с распахнутыми ставнями, через которую в комнату проникал солнечный свет. Приблизившись к нему, я смог в полной мере рассмотреть пейзаж по ту сторону узкого и тесного мира затворника: дома, их крыши; и между ними кусочек площади с памятником императору Константину. На ней собралась толпа под сто человек. Почти все они носили длинные и густые бороды – такова была мода в то время, на всё варварское.

– И что же там происходит?! – спросил он.

Голоса становились всё громче и все они злыми. Толпа вот-вот должна была взорваться яркими вспышками гнева; и я уже знал, чем всё должно было кончиться. Флавий Тиберий всё повторял:

– Что ты там видишь?! Ну же!

– Я вижу римлян. Много людей не площади.

– Смотри внимательно, друг мой: вот в это превращаемся

все мы.

Вскоре, их стало ещё больше; они заполнили всю площадь, взяв статую в кольцо. Они окружили памятник своего великого императора. Затем, стали забрасывать ему на плечи крюки и канаты; встали в колонны и стали со всей силы тянуть их на себя. Император стоял на ногах крепко – десятерым не смогли бы справиться с этой задачей. Но больше сотни – перед такой силой мрамору было не устоять. И тогда памятник упал вниз головой, рассыпавшись на несколько огромных кусков. И это всё, что осталось от последнего из великих императоров Рима. Не хотел ли Флавий Тиберий сказать мне этим, что нас ждёт та же участь?!

– Приглядишься повнимательнее, – сказал он, – среди них не только праздные зеваки; там есть ещё и legionеры.

– Не знаю, как ты видишь их – я совсем не могу разглядеть лиц отсюда.

– Уж поверь мне. Без участия солдат уже давно ничего не обходится в этом городе. Legionеры там есть. Именно они решают, кому быть императором, а кому лучше превратиться в руину. Солдаты – такие же разбойники и убийцы, как и все остальные. Когда я был молод, римский народ ещё мог поставить одну ногу на свою могучую армию, а вторую на мудрого правителя – и стоять на них крепко, как на двух

столбах. Но эти времена давно прошли. Мы превратились в дикое племя, поселившееся на руинах своих прошлых побед, но не будущего. При всём своём положении здесь, я никому этого не говорил, но в Риме я чувствую себя как в клетке.

Он подошел ко мне, но больше ничего не сказал. Мы долго стояли молча у окна с распахнутыми настежь ставнями и смотрели, как заскучавшая толпа быстро расходится по домам. И площадь вновь становится пустой, но не такой как раньше.

– Я не хочу умирать здесь, – сказал он и посмотрел на меня, – я ошибался в своём сыне. Мы с тобой знакомы много лет и хорошо знаем друг друга...

Он неожиданно сделал паузу. Затем, продолжил:

– Помоги мне найти его.

Я на секунду потерял дар речи. У меня не хватало слов для ответа.

– Ты поможешь мне?

Я взял его за руку – слабая, мягкая и одновременно жесткая ладонь ветхого, но ещё полного загадочных сил старика.

– Поможешь? – повторил он, – мне больше некого просить.

– А как же твои дети?

– Они идиоты и имбицилы. Я люблю их, но они мне не помощники.

– Я хотел сказать: на кого ты оставишь их? Что они поду-

мают о тебе?! Как они будут жить без тебя? В конечном итоге, вспомни про своего маленького Сперо.

– Всего себя я отдал им, – наклонил голову он, – но, кажется, я был дураком большим, чем они, раз забыл, что у меня есть ещё один сын – мой первый. И я хочу сейчас быть с ним.

Он свалился вперёд, но я схватил его. Он прижался лысым лбом мне в грудь.

– И всегда хотел. Давно пора.

– Он, наверное, уже в Вольтере, – сказал я, – если Аппий Примул движется целеустремлённо, то догнать его будет трудно. У нас больше шансов встретиться с ним на месте, куда он направляется. В своём письме он упоминает, что стремится попасть на север, в страну варваров, где должен быть его дом.

– Он имел в виду Цезальпийскую Галлию. А может даже Рецию и Норик, что лежат за высокими Альпами. Если это так – у нас нет шансов добраться туда.

– Он просто сказал: север. По отношению к Риму, это – вся занятая варварами империя. Но вряд ли он решится перейти через Альпы в Провинцию или Германию – это самоубийство, там слишком много варваров.

– В Риме варваров ещё больше.

– Как мы будем искать его?! Мы ведь не знаем точно...

– Мы нарисуем портрет. Отправимся на север и будем спрашивать подорожных, предлагать деньги. Мы сделаем

всё, что в наших силах и отыщем его – больше никому.

– Даже если так, то это займёт немало времени. Ты, друг мой, задумал большое путешествие – совсем не то, которое в силах совершить люди твоего возраста.

Он покачал головой из стороны в сторону.

– Пусть так, – он отвернулся, – я готов идти в одиночку.

– Это совершенное безумие.

– Если боги улыбнуться мне – я найду своего мальчика.

Если нет – я умру в пути: от болезни, усталости или топора варвара; всё лучше, чем сидеть в Риме и смотреть, как происходит очередной переворот: как легионеры разрывают на куски своего собственного императора и целые толпы невинных людей страдают от безумия кучки дураков. Лучше уже умереть вдалеке от Рима и не видеть, как год за годом, столетие за столетием он разрывает себя на части.

Я вспомнил, как несколько веков назад Нерон сжёг Рим. В жизни не часто увидишь зрелища настолько ужасные и бессмысленные – даже в такой долгой как у меня.

Конечно же, я понимал желание Флавия Тиберия и в некоторой степени даже разделял его; и я слишком долго прожил, чтобы чрезмерно беспокоиться о сохранении человеческой жизни, которой угрожает это путешествие. Ни за что я не стал бы отговаривать его от этого пути – мне лишь хотелось знать, насколько сильно он уверен в собственных мыслях. Действительно ли он понимает, что это приключению – в любом случае приведёт его к смерти. Исход здесь очевиден

– пережить путешествие ему не удастся. Вопрос состоит в том: умрёт ли он в Цезальпийской Галии или даже не добравшись до Вольтеры. А может, его заколют ножами одичавшие крестьяне, имения которых разграбили варвары и которым Рим бросил на произвол судьбы, не оставив иного выбора, кроме как стать разбойниками?!

На протяжении столетий: я спасал себя от скуки и тоски бессмертия тем, что учил языки и науки. Вначале, это ремесло давалось мне нелегко – латинскую грамоту я смог выучить лишь на семидесятом году жизни. Но к своему первому столетию я владел уже всеми языками Италии, даже названия многих из которых сейчас мало кто вспомнит. Каждый новый язык давался мне всё легче и легче. Я заставил себя быть гением человеческой речи и искусства миллиарда слов.

Однажды, греческие купцы привезли в Рим иностранца в странных одеждах, жёлтой кожей, непохожим ни на что лицом и глазами, которые напоминали кинжалы. Он говорил на языке, все звуки которого были чужими для европейского уха. Он писал непонятными ни для кого знаками, напоминавшими, если пририсовать им крыши сверху, дома. Но посвятив разговорам с ним всё своё время, я смог овладеть его языком в совершенстве, просто повторяя и запоминая звуки, которые он издавал, когда я показывал на какой-нибудь предмет или изображал руками жест.

Чтобы выучить древнекитайский от человека, который ни

слова не понимает по-латыни, мне пришлось потратить два года. Этот язык я помню до сих пор. Он великолепен, если звуки обладают для их слушателя хоть каким-нибудь смыслом. Многие китайцы, с которыми я говорил впоследствии тысячи лет спустя, проникались ко мне глубоким доверием и уважением, поскольку считали, что я потратил всю жизнь на изучение их античной поэзии. Они принимали меня за гения-лингвиста, овладевшего всеми формами китайского языка, оставаясь при этом европейцем.

Самое важное в изучении любого языка – это неистовое желание выразить свои мысли и чувства на нём. Это желание должно быть как вечный огонь, сжигающий изнутри. Остальное – дело техники.

На жизнь я зарабатывал своим знанием языков, а в последнее время – владение речью варваров, которую мне тоже пришлось изучать. Мою профессию римляне почитали за высшую из благородных форм искусства. Научиться чужому языку в те времена считалось за подвиг, который совершить может лишь человек необычайного дара. И я догадывался, зачем я нужен Флавию Тиберию в его безумном путешествии: я возьму на себя роль переводчика. Тогда, у нас будет больше шансов продвинуться как можно дальше на север и, может быть, найти Аппия Примула.

И это было очень эгоистично с его стороны. Впрочем, он знал, что я могу и отказаться. Но он был уверен во мне – уж слишком долго мы знакомы друг с другом. К тому же, я сам

постоянно жалуюсь ему, что даже в наше интересно время, когда гибнет империя и цивилизация – я всё равно гнию от скуки. Он знал: это путешествие для меня – как очередное приключение, от которого я не смогу отказаться. Это шанс развеяться, а больше ничего мне не было нужно. Самому – у него нет никаких шансов добраться даже во Вольтеры, в его-то возрасте. Но со мной – он, если сохранит своё неистовое желание повидаться с сыном и если на нашем пути не встанет орда варваров – сможем дойти далеко. Малый шанс на встречу с АппиемПримулом у нас двоих всё же был.

И, конечно же, он знал и верил в это. Я ответил:

– Я проведу тебя. Но только потому, что хочу, чтобы ты поскорее умер – от счастья, увидев своего сына.

– Хороший ты друг!

И он засмеялся.

– Высшая радость – злорадство! Что бы я делал в это жизни без людей, которые желают моей смерти?! Они – заставляют меня двигаться дальше. Меня так радует, что я пережил из всех. Пусть Рима не станет – пусть он катится в свою яму! У нас своя жизнь; и мы сами решаем, на какое путешествие её потратить.

Он так завёлся, что я не смог сдержаться и добавил:

– Ведь мы – старики – больше не можем позволить себе роскоши заниматься тем, чего не хочется делать.

– А ты – внешне совсем не похож на старика.

Теперь и я улыбнулся.

– А разве так важно, что внешне?! Внутри: я намного старше тебя.

– Я всегда подозревал это, друг мой. Спасибо тебе за помощь.

Решение было принято. Но на смену радости быстро пришли новые неприятности.

Всё дело было в семье Флавия Тиберия, на что я указал ему в самом начале нашего разговора, когда он сообщил мне о том, что собирается найти своего сына, отправившись за ним в погоню. Но он как всегда слишком поздно начал слушать меня. И зря. Как всегда.

Он не мог просто так бросить свою жену, друзей, слуг, названных братьев и сестёр, и других своих сыновей, один из которых был ещё новорождённым младенцем. Просто так исчезнуть, как это удалось Аппию Примулу, Флавию Тиберию не позволяло так же его общественное положение. Дом Пернов – станет домом, члены которого один за другим исчезают бесследно – жестокая участь быть семьёй посмешищ. Придётся потратить немало времени, чтобы объяснить всему Риму, что Флавий Тиберий – не сумасшедший, а герой, который отправился на поиски своего заблудшего сына из любви и милосердия к нему. Тогда, он спасёт репутацию своей семьи. Но это сложно сделать за один день, поэтому путешествие придётся надолго отстрочить.

С простым народом Рима проблем не должно было возникнуть. Люди всегда хотят облить других грязью, но от них

легко защититься. А вот семья Флавия Тиберия – та самая кость в горле, которая не позволит спокойно и воздуха глотнуть ни одному свободному человеку, попавшему в её сети.

Мы были стариками: ему было под семьдесят, мне было под тысячу лет. Но под разлагающейся коркой мы с ним были новыми первооткрывателями – первыми отважными героями, покинувшими стены Рима и в одиночку отправившимися в страну варваров, во имя любви, во имя дружбы и верности.

Я всей кожей ощутил тот славный ветер былых времён.

Это путешествие – последнее в его жизни; и самое трудное ждёт его даже не в конце, а в самом начале.

Как семидесятилетнему старику отпроситься у своей тридцатилетней жены и детей, чтобы те позволили ему отправиться в его возрасте в страну варваров, где, вероятнее всего, его убьют или он умрёт самостоятельно, без посторонней помощи?! Есть несколько способов. Но самым моральным из них оказался вариант: просто упасть на колени и раскрыть, как он есть, план своей авантюры, надеясь... одному Флавию Тиберию известно на что.

– Чёртов галл, что же мне делать?! – чуть не сорвался он.

– Это была не моя идея.

– Ты не предложил мне ничего лучше. Ты только представь, что это за план: ведь мне действительно здесь надеяться не на что. Я даже не могу себе представить, что подумает моя красавица. А кем я стану в глазах своих детей. Да это

будет...

– Ты хочешь предложить себе и мне что-нибудь получше?

– Вот зачем ты меня вечно перебиваешь?! Ты мне все мысли спутал.

– Прости, но я считаю своим долгом прерывать рассуждения, переходящие в болтовню.

– Ладно, у нас действительно другого выхода нет. Но с чего мне начать?

– Давай прорепетируем.

Другого предложения от меня – ему и не следовало ожидать. Раз он отважился на такую авантюру, пусть терпит теперь унижения всех зависимых от своих семей людей.

Люди проходят мимо. Иногда, они оборачиваются вокруг нас. Может, это из-за того, что мы теперь стоим прямо под их окнами?! Я гляжу им в след и мне кажется, что я моложе их всех. Я всегда доживаю до старости, а затем начинаю молодеть. Сохраняю память и затем жду, пока снова начну стареть; у меня начнёт болеть спина, заново выпадать зубы, начнёт морщиниться кожа и седесть волосы. К этому привыкаешь; но каждый раз приходится находить себе новых знакомых, потому что для не закалённого ума это довольно жуткое зрелище. Зато, век за веком это укрепляет характер; стареть – полезно для силы духа – разве что только в том случае, если точно знаешь, что затем снова станешь молодым.

– О, любимая, – начал Флавий Тиберий, – любовь всей моей жизни, – он падает на колени, – ты всегда была ко мне

так добра. Ты родила мне двух прекрасных сыновей и ещё трёх моих от той, другой, воспитала. Ты заменила троим моим сыновьям их мать, которая и в подмётки не годится тебе. И с тобой я всегда был в сто раз счастливее, чем с ней.

Он впился двумя руками в пальцы моей левой ладони. Флавию Тиберию вряд ли когда-нибудь удастся стать хорошим актёром – ему уже не успеть. Слова его пахнут наигранной фальшью, звучащей убедительно только для совсем пошлого уха. От всего этого единственным возникшим у меня чувством – было как можно скорее развернуться и убежать прочь.

– О, сыновья мои, – продолжил он всё тем же тоном; я заметил, что даже находясь на задворках домов, люди всё равно слышат это чудное квохтанье и подходят поближе, чтобы поглядеть на источник этих звуков, – вы помните, как я любил вас?! Как я заботился и помогал вам, когда просили вы меня или нет?! И теперь, когда вы выросли, ваш старый отец просит о вашего благословения. Не откажите ему в его первом и последнем желании. Ведь я принял это решение, находясь в трезвом уме и доброй памяти – и сделал я это лишь из отцовской любви и чести.

– Кто придумал всю эту чушь? – не выдержал я.

– Я, только что, – не скрывая гордости, ответил он.

– Надеюсь, ты просто хотел пошутить.

Репетиция разговора с роднёй Флавия Тиберия незаметно для нас перешла в настоящий моноспектакль, у которого

быстро нашлись свои зрители – они не прятались теперь за углами домов. Я похлопал Флавия Тиберия по плечу, стараясь как можно мягче намекнуть ему на то, что пора переносить репетицию куда-нибудь подальше – в таком людном месте оставаться нельзя. Но он грубо отмахнулся от моей ладони, встал с колен и принял позу оратора, готового обнять всё свою многочисленную публику. Он повернулся лицом к своим зрителям и закричал во весь голос:

– О, граждане Рима! Вы знаете меня, как добропорядочного гражданина – Флавия Тиберия Перна – и среди собравшихся здесь я вижу много знакомых лиц, каждому из которых есть чего доброго вспомнить обо мне.

Я старался стоять в это время в стороне – пытался скрыть своё лицо от голодных глаз толпы, соскучившейся по подобным зрелищам. Безумцы, вещавшие с трибун – им уже надоели. А вот человек, которые ещё не до конца сошел с ума – для римских улиц это было редким развлечением.

– Что каждый из вас, добрых граждан, слышал о моём сыне – Аппии Примуле? Те немногие, кто знал его – вряд ли вспомнил что-нибудь приятное о нём. Он и правда был странным. Он отвернулся от самого дорогого для каждого из нас – от своей семьи. Он не хотел видеть даже меня – своего родного, уважаемого отца. Я долго не мог понять: что же происходило с ним всё это время; и долго считал, что мой любимый первенец – умалишенный. Но, Господь Всемогуший, как же я был неправ! Правда, о граждане, в том, что

мой сын – бесследно исчез. Он оставил стены Рима, оставив после себя лишь записку, прочитав которую – слёзы застыли на глазах. Мой сын – никогда не был сумасшедшим; и умалишенным – никогда – мой бедный мальчик. Мой сын – неверное, один из последних благородных римлян – сам, один отправился на север, в страну варваров, чтобы искупить все наши грехи. Ведь мы, римляне – забыли о том, что значит быть сыновьями Марса! Где храбрые легионеры, способные сразиться с врагами Рима?! Все они – в борделях со шлюхами. Мой сын, в котором я столько лет сомневался – всегда был достоин моей любви и гордости – я был слеп всё время, что не замечал его. И теперь, я понял, что должен исправить свою ошибку. Я отправляюсь на север – к варварам – чтобы найти своего сына – извиниться перед ним за всё и вернуть его домой, обратно в Рим. Ведь наш город – переживёт самые тёмные времена – всегда, пока стоит наша вера в него. Варвары могут ворваться на наши улицы и в наши дома. Но чего им никогда не удастся – так это завоевать сердца отважных – и сломить непокорный римский дух.

На этой ноте, Флавий Тиберий закончил свою речь. И после нескольких секунд натянутого как тетива молчания, толпа выстрелила в него бурными аплодисментами.

Очень немногие на самом деле поняли, о чём говорил Флавий Тиберий. Для оратора он выражался слишком загадочно и обращался больше к самому себе, чем к остальным. Те, кому было понятно – хлопали тише всех.

Большинство собравшихся здесь аплодировали сами себе, потому что верили: именно они вызвали ту бурю эмоций, которую Флавий Тиберий на них только что излил.

Это – был тот самый век безумия, о котором так интересно говорить: люди, напуганные до смерти, вконец разочарованные в будущем – радуются всему подряд, чтобы просто не сойти с ума. Если бы Флавий Тиберий просто гавкал как собака и кудахтал как птица – он бы вызвал не меньше возгласов ликования. Это был век людей, утративших голову от скуки и страха, разбавленных в рутине; впрочем, век, который немногим отличался от всех последующих.

Но Флавий Тиберий этого не знал. Он считал себя настоящим талантливым актёром и великим оратором. В тот миг и ему, и мне – нам обоим стало ясно, как зарождался знаменитый греческий театр, давший основу римскому. Всё было просто: кто-то решил обратиться к толпе и не заметил, как диалог стал монологом, а монолог – речью; а речь превратилась в выступление актёра. И в каждом слове – столько эмоций. Я всегда знал, что театр – самый гуманный вид искусства. Люди должны как можно больше говорить друг с другом – пусть они делают это весь день и всю ночь.

Каждое слово – это театр.

Но оставаясь здесь и продолжая махать рукой публике – рискуешь сойти с ума. Не стоит забывать: каждый театр существует лишь для одного себя. И поэтому, как только он кончится – следует как можно быстрее сбегать оттуда. И чем

дальше – тем лучше.

Схватив Флавия Тиберия за локоть, я оттащил его в сторону, попутно сбрасывая с него маску лицемерия и тщеславия.

– Нет, это была плохая идея, – сказал я.

– Как и все твои идеи, дружище. Но закончилось всё даже очень неплохо.

– О чём ты вообще думал?!

– Только о своём сыне, конечно же. И немного о себе. Только об этих двух вещах я и могу думать теперь.

Мы шли сквозь улицы и площади. И мне в голову пришла ещё одна идея.

– Кажется, у меня есть план.

Такой же, как и все мои остальные – мысленно следовало бы добавить про себя.

– Форум.

– Что?!

– Вино. Море вина. Оно нам поможет.

– Даже не представляю, о чём ты. Но мне уже нравится. Я согласен.

Век людей, купающихся в вине.

Римский Форум – особое место; власть императора здесь исчезает. Людей сидящих и лежащих – куда больше здесь, чем стоящих. Принадлежит здесь всё совсем другим людям, чем во внешнем мире. И бог здесь один – вино.

Торговцы кричат со всех углов, стоит только появиться

покупателю. Повсюду шныряли мелкие воришки, в надежде подцепить кого-нибудь на свой крючок. От такого количества праздных и пьяных людей – глаза разбегаются в сторону. Уже много лет я не был на Форуме; и ещё больше не видел его настолько забитым людьми.

Когда люди день и ночь живут в постоянном страхе, но всё плохое, что могло произойти с ними – всё не настаёт – пьяная улыбка почти никогда не сходит у них с лица.

Не прошло и нескольких минут, как Флавий Тиберий заразился духом вечного праздника в вечном городе.

– Хэй, – кричал он, будто стал моложе на сорок лет, – хэй, хэй, хэй!

Я снова подумал о том, что в голове ко мне вообще никогда не приходят хорошие идеи; и если я и задумал что-то, то поступать нужно с точностью до наоборот.

Флавий Тиберий достал свою золотую монету – на ней красовалось лицо ещё позапрошлого императора, умершего около года или полтора назад. Торговец винами попробовал её на зуб и та с лёгкостью согнулась.

– Отличное золотое, – сказал он, протягивая нам небольшую амфору, в которой было достаточно вина для нас двоих, – правда, наш новый император не очень жалует старые монеты и чеканит свои.

– Эти императоры сменяются быстрее, чем времена года. Неужели каждый раз добрые римляне должны подстраиваться под нового?!

– Ладно, не важно. Всё равно варвары всех римлян сведут в могилу, – торговец заговорчески усмехнулся, – но не меня – мой брат уже ждёт меня в Греции.

Флавий Тиберий громко рассмеялся. Он любил делать так, когда его переполняли гнев и презрение. Он сделал первый глоток, осушив чуть ли не добрую четверть кувшина.

– Когда я был молод, – начал он, – греки – были слугами Рима. И сколько теперь римлян, которые служат грекам или называют себя ими?! А где же мы – римляне?!

– Настоящий Рим – уже давно стоит на Босфоре и называется Константинополем, – покачал головой торговец вина, – городу, который все только по привычке продолжают называть Римом – недолго осталось стоять на своём месте.

– Это не так!

Флавий Тиберий выронил амфору и та упала, разлив вино и ему, и мне на ноги. Но к чёрту теперь и кувшин, и то, что было в нём. Я попробовал его оттащить и успокоить. Но разве хватит у одного человека сил, чтобы остановить старика, соскучившегося по хорошей драке?!

– Греки – эти зажавшиеся дураки – оскорбили нас! Они сражались против нас во многих войнах и чуть не лишили Рим свободы. Они украли наши земли на востоке и назвали их Новым Римом. Но их император – всего лишь самозванец.

– Зато у них: есть легионы; и они сражаются с варварами, – выкрикнул кто-то из толпы, вероятно, услышав их разговор, – их императоры правят своим народом по два-

дцать-тридцать лет; их города процветают – их защищает армия. Рим – выживет только на востоке, под знаменем Константина Великого.

– Предатель! У нас есть легионы. У нас осталась Далмация и северная Галлия, которые стоят против варваров щитом Римской империи. Ещё не всё потеряно, граждане! Их орды отступят, огнём и мечом мы вернём себе все земли. А пока: ворота Рима крепки. Варвары – больше не пройдут.

– Он прав!

– Варвары уже прорывали защиту Рима – дважды! Смиритесь же: Рим – мёртв. Господь проклял нас. Каждый, у кого есть голова на плечах – должен выучить греческий и как можно скорее отправиться в Восточную Римскую империю. Это – последний Рим, который у нас остался.

– Да!

– Ложь!

– Предатель!

– Смерть императору!

– Смерть предателям!

– Долой греков! Смерть варварам! Да здравствует империя!

Я смотрел по сторонам: простое желание купить вина и банальная беседа – слишком быстро перешли в драку.

Никто не скажет наверняка: кто ударил первым; справедливее и рациональнее всего считать, что все ударили одновременно – чтобы уж наверняка никого не обидеть и свалить

вину за драку на всех, кто в ней участвовал.

Флавий Тиберий, первое время, тоже хотел поучаствовать в тотальном мордобое; он даже схватил какого-то беднягу за плечи и несколькими движениями свалил его на землю, крепко прищемив ему руки и ноги, как когда-то в молодости на спортивных играх. Но резкая боль в спине быстро поставило его самолюбие на своё место и напомнила ему, сколько старому римлянину лет.

Нелегко было выйти из этой перепалки, быстро набиравший масштаб настоящего поля гнева; я и вернувший себе трезвый рассудок Флавий Тиберий, не ожидавший такой развязки событий и глубоко раскаявшийся в своих словах недалёкому торговцу – изо всех сил пытались сделать вид, что никого не обидели, что мы здесь ни при чём и как можно менее болезненно покинуть Форум.

Как дети, свалившие статуэтку в доме стараются свалить вину на кого-то другого и упорно не замечающие бардака вокруг.

– Дикие звери, – сказал Флавий Тиберий, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе, когда самые горячие точки остались позади, – я думал, это конец. Прости меня, что втянул тебя во весь этот кавардак. Я ведь не пьян. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Ничего страшного. Всем нам рано или поздно придется становиться причинами тотальных мордобоев.

Я улыбнулся и похлопал его по плечу.

– Подожди; всё самое интересное – только начинается.

Мы достали деньги – у Флавия Тиберия, работавшего всю жизнь, их было предостаточно. И теперь, настало время от них избавиться. На этот раз: главное держать свой рот и эмоции на замке. Мы нашли другого торговца вином.

Опустошив две амфоры – мы вернулись к нему за добавкой; за третьей парой нам пришлось идти уже к другому торговцу, так как не смогли найти дороги к предыдущему. Этот торговец вином, с такой улыбкой протянувший нам заветные амфоры – был настоящим сокровищем.

– Так, – присев, кивнул в мою сторону Флавий Тиберий, – зачем мы пришли на Форум? Ради вина – хорошо. Но зачем ещё?

– Я хотел, – чуть не упал на спину, но вовремя удержался, – чтобы мы немного выпили вина, прорепетировали ещё раз и пошли к твоей жене и детям – со смелым сердцем и спокойной душой. Мне казалось, что тебе не хватает решительности. Но теперь, это вовсе не кажется мне хорошей идеей.

– Ик-к! Да.

– Кажется, мы с тобой немного засиделись.

– Ик-к. Согласен.

– Тогда, может быть, сейчас настало время твоей генеральной репетиции перед семьёй?!

– Ик-к. Давай.

Флавий Тиберий попытался встать. С третьей попытки ему это удалось. Относительно крепко держась на ногах, он

заговорил:

– Ты – любовь всей моей старости. Ты жила в богатстве и достатке с тринадцати лет – с тех пор, как мы вместе. И я прошу тебя теперь только об одном: отпусти меня к варварским шлюхам – мне веселее будет с ними. Меня уже ждёт там мой сын – первенец, что подарила мне моя первая жена, которая была куда толще и румянее тебя.

Я смеюсь и хлопаю себя по коленкам. И в то же время, какая-то часть меня стоит сейчас в стороне и качает головой.

– Сыновья мои, да простит меня Господь, но уж лучше бы вы были дочками.

На этом моменте: он сам начинает хохотать и, согнувшись пополам, едва не падая на землю, продолжает:

– Каждый раз, когда я принимался за известное дело, я думал, что каждое новое чадо выйдет лучше предыдущего. Но все вы пошли в одно и то же: разнянченное дерьмо, намертво присосавшееся к мамкиной титьке. Я растил вас как настоящих мужчин; а вышло из вас чёрт знает что – не способное ни гладиуса держать, ни народ Рима город свой защищать призвать. Вы уже не дети. Но что каждый из вас сделал такого, за что я мог бы гордиться вами?! И римский народ – стал таким же гулякой как и вы. Все мы заслуживаем быть стёртыми с лица земли варварской ордой.

Он отдышался; и продолжил уже тихим голосом – с широко раскрытыми безумными глазами, неведомо, что видящими в пустоте:

– Лишь один мой сын был достаточно смел, чтобы идти против течения и быть независимым ни от кого – как истинный римлянин. И от него отвернулась вся его семья – от него отвернулся даже я – его собственный отец.

Флавий Тиберий пустил несколько скупых и пошлых слёз, зазывая во все стороны самой грубой формой латинского языка:

– Он столько лет прожил изгоем! А ведь меньше всех остальных заслуживал этой участи.

Он поднял красные от безумия глаза и сказал всему миру с той же решительностью, с которой плюнул бы в глаза и Господу, и Дьяволу.

– И пусть все вы ополчились против меня – пусть зайдёте в мой дом и назовёте меня умалишенным – но я не позволю вам погубить моего сына. Я должен искупить перед ним свою вину. И я найду его – пусть ради этого мне и придётся пройти полмира, по руинам империи. Я найду его, чтобы сказать то, что давно должен был...

Я слушал его, почти протрезвев от горечи его слёз. Мои руки сами аплодировали ему – сам же я просто смотрел. Но это нужно было остановить – я видел, что моему другу совсем плохо и он чуть не падает в обморок. И он, и я – мы оба забыли, сколько Флавию Тиберию на самом деле лет и на что способны люди, дожившие до столь почтенных лет.

Я взял его под руку; и мы вместе, передвигаясь маленькими шажками, направились на поиски ночлега. Попутно, нам

ещё не мешало бы разобраться: а какую именно часть города занесли нас наши пьяные ноги?!

Шаг за шагом – мы медленно шли в темноту. Флавий Тиберий – совсем уже потерял сознание; и мне пришлось тащить на спине уже два тела – его и своё собственное.

По Риму, ночью: бродят призраки его давних побед и давно ушедшей славы. Колизей – остался давно позади; где мы? Только звёздам известно – но они молчат об этом. Я пытаюсь найти путь к знакомым нам местам по небу. Но у меня двоится в глазах, поэтому двигаться мы можем только наугад.

Может быть, кто-то уже гонится за нами. Чьи глаза выглядывают из-под тёмных углов?! Какому разбойнику понадобится мы?!

Мне страшно. Я слышу биение собственного сердца. Я сворачиваю в каждый проулок – мы давно заблудились. Глаза мои скачут в разные стороны, пытаюсь словить подсказку; но она всегда ускользает. Я пытаюсь понять, куда нам следует пойти, чтобы дойти до дома. И не нахожу ответ. Я напуган до самого мозга костей.

По пути, на одной из улиц, я наткнулся на повозку, забитую сеном. Во всех окнах: давно уже люди спят. Время уже не то, чтобы просить людей переночевать.

Единственный выход для нас я вижу только в этой повозке. В ней можно несколько часов отоспаться – хотя бы до первых солнечных лучей. А потом: уже с новыми силами, кое-как добраться до знакомых мест. Сейчас же: это невоз-

можно. Я прожил в Риме не одну сотню лет, но так до конца и не узнал обо всех его улицах, закоулках и тайнах.

Я сообщил Флавию Тиберию о своей идее и не встретил с его стороны никаких возражений. Решение было принято единогласно. И мы – легли в стог сена в повозке, прислонившись поближе к стенке: так было удобнее и так нас было труднее найти.

Мы заснули мгновенно; хоть Флавий Тиберий уже и так заснул задолго до этого.

Мы не проснулись под утро. И как всегда, это бы огромной ошибкой.

Утром, крестьянин, закончив свой визит у сестры – направился в свою родную деревню, вместе с сеном, которое так никому и не успел продать. Ему нужно было со своей повозкой и старой клячей выехать как можно раньше, чтобы успеть домой, пока не наступила совсем уж поздняя ночь.

Конечно же, он не заметил нас – ему было не до того.

Он сел за поводья и его повозка вместе с нами – медленно, но верно, поплелась на север. Очень скоро, мы оказались у ворот. А затем: далеко от Рима.

Тем временем, мы ещё спали. И даже не замечали, что Аппий Примул с каждой минутой становится всё ближе и ближе к нам.

Большое путешествие – начинается с маленьких падений и шажков назад.

Танец Первый

Это был действительно странный век.

– Конечное состояние такое, что уши заворачиваются каждое в свою раковину; кисть руки сама тянется к локтю, а из пупка доносится радостный свист.

После взятия Константинополя, криком пронесшегося по всей Европе – прошло уже двадцать лет. Но стоны и вопли тех, кто погиб смертью отважных – нет, пожалуй, самой простой и страшной, несправедливой смертью – до сих пор отзываются у меня в памяти.

– Как крики потерпевших кораблекрушение ещё три дня и три ночи блуждают по морю, пугая всех, кто случайно проплывает мимо.

Это – был корабль дураков, из года в год плывущий по Рейну от севера к югу и затем наоборот. И я был на нём капитаном.

Мы неслись сквозь порта, леса и дикие пляжи. Пейзажи сменялись чаще, чем наше настроение. Здесь, в отличие от других кораблей, никогда не бывало скучно. Дураки матросы бегали по палубе, пытаясь поймать друг друга, или занимая время играми, смысл которого не сумел бы понять никто.

Одной из прекраснейших отличительных черт корабля дураков заключалась в том, что в массе пустоголовых громил – можно было найти несколько истинно интересных и высоко-

ких духом людей. На других кораблях – их нечего и искать. Что им делать там? Кто приютил бы их? А на корабле дураков найти себе дом сможет кто угодно. Кого угодно общество может назвать дураком и сослать на один из таких кораблей.

Одним из таких редких людей был Голова-Тыква. По некоторым данным, которые проверить было невозможно – он был выходцем одной из знатных семей, проживавших в славном городе Нюрнберге с давних времён.

Он говорил мало: он – наблюдал. А когда ему хотелось что-то сказать – он всегда рассказывал. А рассказывать он умел только о любви, о ветрах или о болезнях. Всё потому, что он был очень интересным человеком. И очень больным – во всех отношениях. Имя, которым он называл себя – говорило о нём и в переносном, и буквальном смысле. Тыкву с головы он никогда не снимал.

Он достаёт бутылёк со спиртом и делает из неё хороший глоток. Я спрашиваю его:

– Зачем ты делаешь это сейчас?

А он отвечает:

– Потому что у меня болит горло.

Он прижимает руку к груди: там, где находится сердце.

– Оно болит у меня уже целый год – и не только горло, понимаешь – и ты знал об этом. Моя огненная вода помогает мне справиться с болью. Но она не поможет – от моей любви даже время не спасёт.

– Время сжигает всё лучше, чем огонь. Подожди ещё

недолго – и это пройдёт.

– Лучше я буду пить. И от горла это тоже спасает.

Он продолжил:

– А ведь правда: горло болит куда сильнее, чем разбитое сердце.

– Почему ты не обратишься к врачу?

– А я обращался – как раз тогда, когда был достаточно пьян для этого, – кивает он и закрывает глаза, – они сказали мне, что моя болезнь – неизлечима; и что мне следует меньше пить. За это – я не могу их простить.

Он смеётся, слегка опустив свою тыкву вниз.

– Ну, конечно же, я их не слушаю.

На корабле дураков: всегда танцы и пляска. Когда мы причаливаем в каком-нибудь порту, мы всегда ищем, у кого бы выпросить монетку – это наша старая традиция. А так – золота у нас полно, хоть об этом и не скажешь по первому взгляду. Люди забыли о нас; мы стали никем. Так с какой стати мы должны относиться лучше к ним?! Каждый город получает тех сумасшедших, которых заслужил.

Мы стали париями этого мира; и каждый по своим причинам. Я – из-за того, что просто однажды проговорился на людях, что ни время, ни оружие мне ни по чьём и что я бессмертен. Видишь, даже тех, кто говорит одну лишь правду, считают за дураков. Я сказал людям, что видел и Спартака, и его восстание; и первых цезарей, и их борьбу за власть. Да, всё это правда. Однажды ночью в грязном и зловонном

Париже я проговорился. Тогда мне пришлось надолго покинуть этот город. Меня считали там за сумасшедшего. Оно и лучше; ведь что произошло бы, если люди и вправду поверили в то, что их главного врага и друга – смерть – можно преодолеть?! А ведь это не так. Она придёт за всеми – даже за мной. Это лишь вопрос времени – так ли он важен, когда конец один и тот же?!

Пройдёт ещё не одно столетие. Упадёт ещё не один Константинополь.

А я: всё так же буду оставаться жить и путешествовать по миру, в роли капитана корабля дураков.

– Что ты сделаешь в первую очередь, когда сможешь выбраться с этого корабля? – спросил меня один из сумасшедших.

Никто не может покинуть корабль по своему желанию. Сначала он должен найти того, кто примет дурака таким, каким он есть. Таков закон – нарушители страдают хуже, чем мученики ада и мечтают о смерти. Лучше оставаться на борту и ждать, пока найдётся тот, кому будет безразлично: дурак ты или обычный человек. Сколько лет я уже шатаюсь по этим водам и трясусь на корабле, но ни разу не видел такого чуда.

– Не знаю, – честно ответил я, – отправлюсь в Индию, если хватит сил. Я капитан – а значит, если я покину корабль, то и корабля самого не станет. А без него – Европа мне в одном месте сдалась. Я найду для себя новый мир.

– Думаешь, доживёшь?

– Я – бессмертен. Я и не до такого доживу.

Я бы мог рассказать ему многое. Но он не слушал, хоть и сам начал этот разговор. Голова-Тыква так устал от молчания, что готов был слушать, даже бессвязные звуки – лишь бы до него доносились человеческие голоса. А я – готов был говорить; но мало удовольствия от беседы с пустотой.

Вместо вопросов, которые рано или поздно задаёт себе каждый человек, я попробовал спросить у него:

– А как ты попал сюда? В смысле: всё дело только в тыкве?! Я много наблюдал за всеми членами своего экипажа; и ты мне кажешься самым нормальным человеком на их фоне.

Он не ответил, будто ничего и не слышал. Я повторил вопрос:

– Что ты делаешь среди безумцев?

– Видишь ли, – замялся он с ответом, – я прожил очень печальную жизнь. Я родился в одном городе во Фландрии – не вижу смысла называть его.

Он опустил взгляд себе под ноги.

– Я не хочу рассказывать тебе сейчас о своей жизни; она – совсем не интересна и не столь важна. Я просто скажу: единственным моим светом во тьме, единственным голосом, через который со мной говорил Господь – была моя сестра. Но она исчезла много лет назад. Я надеюсь встретить её, чтобы сделать то, чего не успел, пока мы были вместе.

– Вы были близки.

– Сильнее, чем это можно было представить. Даже, когда она теряла сознание, а я называл её последними словами – мы любили друг друга. Мы держали свои чувства в тайне – даже друг от друга. Мы делали всё, чтобы об этом не узнали другие. Я бил и издевался над ней. Но не всерьёз – никогда. Мы оба понимали: так нужно было. А потом, произошло то, что произошло. Она исчезла и я исчез. Возможно, мы и встретимся. Но Господь редко бывает щедрым на подобные чудеса.

Он вздохнул.

– Как я попал на корабль дураков? Как и все остальные. Я был не нужен никому в своём городе. Меня считали за уроды. Я прятался от них. Они меня находили. Но просто отправить на тот свет – никто не решался. Мне повезло с кораблём. Я отдал ему все деньги и получил взамен второй шанс – далеко от толпы.

Действительно: странный и безумный век; как и люди в нём. Впрочем, как и все времена.

Но во всём, даже в этом, можно найти свою каплю мудрости.

А мы всё продолжали плыть по этим волнам, будто было вечно пьяными, вечно весёлыми и не унывающими, пока весь остальной мир проплывал мимо нас.

Но проживая так недели, месяцы, годы – невольно начинаешь тосковать по скучному миру людей со всей их скупой моралью и законами. Ведь в стране дураков, где если ты не

танцуешь, то только спишь – нет законов. А это утомляет. Хочется вернуться в мир людей. Кто-то настолько обезумел, что не хочет ничего. Но мне хочется. Просто вернуться к самой обыкновенной любви, путь которой я проплывал уже не раз – со всей её болью и разочарованиями.

Но река, по которой мы плывём, да и этот корабль – крепко держат меня, что и не вырваться. А я и не жалею. Этот путь – да и любой – стоит того, чтобы пройти его, пусть и не один, а сотню раз.

И вот, наконец, это свершилось: сквозь неумолкающую музыку и пляску стульев, досок и кастрюль на горизонте вырос ещё один порт. Мы давно ждали его – пристанище для кораблей нужно было нам, чтобы ненадолго сойти на берег и развлечься с людьми. И они ждали нас – пусть и сами о том не догадывались. Каждому городу нужно отправить куда-нибудь своих дураков. Для этого мы и нужны – всегда готовые принять каждого, кто больше не нужен нигде.

Хоть нам и казалось, что шпиль городского собора и крыши домов совсем недалеко, в порт нас занесло течением только под вечер. У нас как раз кончился спирт и нам нужно было пополнить свои запасы. Несмотря на то, что была уже почти ночь и горожане предпочитали отдыхать каждый в своей крепости – мы сошли на берег. И праздник разгорелся для нас с новой силой. Для местных это было хуже облавы пиратов. Корабль дураков причалил к берегам. Молитесь, чтобы мы покинули вас скорее.

Так мы сошли на берег: дурацкая команда и я – их бессмертный капитан. Мы шли по улицам, будто это были наши родные края. Здесь были все: Голова-Тыква, Голова-Кастрюля и безумный турок, и бездомный аристократ из кёльнских трущоб. Кто находит себя в труде, кто в науках, кто в искусстве; а все мы – нашли себя в безумии. Мы свободны. И мы счастливы. Мы сидим на мешках с золотом, питаемся объедками и ходим в обносках. С нами всеми «что-то не так», от нас отказались наши друзья и близкие. Поэтому, мы здесь. И никто из нас не виноват в том, что мы стали теми, кем, видимо, нам всегда было стать суждено.

Но человек – остаётся жить. И в своём безумии и отчаянии – умудряется найти для себя счастье.

Вот мы и идём – держимся вместе – ступаем все по своей дороге.

На берег нас вышло всего восемнадцать человек – ещё несколько испугались суши и решили остаться на борту.

Сердце, мозг и душа любого города в Европе – все находятся в одном месте – на рыночной площади. А печенью и почками им служат кабаки, в которые путник может заглянуть в любое время суток и попросить себе место у огня. За соответствующую плату, конечно.

Для безумца, особенно с деньгами, никогда нет никакой гарантии, что его не убьют – разумеется, случайно, но всё равно, кто будет мстить за полоумного?! Никогда не стоит оставаться одному. Но вместе – нам нечего бояться.

Мы шагаем все вместе – грозная армия. Внушительной толпой дураков мы кажемся лишь на первый взгляд. Решись кто-нибудь напасть на нас – в ту же секунду от нашей отваги не осталось бы ни следа; все мы разбежались бы кто куда, спасая собственные жизни. И никто не стал бы винить друг друга. Как вообще можно ставить в вину человеку то, что он сбежал, спасая свою жизнь – она ведь бесценна?!

Ночью: даже безумные чувствуют себя иначе. Их мысли, всегда похожие на какофонию – тоже способны сменить тональность. Мы становимся храбрее. Внутри нас по-прежнему полно разных страхов; и мы всё так же трепещем перед ними. Но ручку двери – поворачиваем всё равно, что бы ни ждало нас там.

Мы заходим внутрь. Наше появление – как шорох листьев и грохот грозы. Все головы завсегдатаев за столами мигом поворачиваются к нам. Мой взгляд останавливается на человеке в тяжёлых нагрудных доспехах, шлемом на столе и ладонью на рукояти меча. Я достаточно долго прожил, чтобы знать о таких людях всё. Чтобы прочитать их мысли и предугадать намерения мне достаточно бросить на них всего один взгляд.

Но мы должны двигаться вперёд. И из всех нас, только Голова-Тыква решается двинуться в сторону свободного стола в другом конце трапезного зала. Мы внимательно наблюдаем за каждым его шагом. Всем нам страшно. Многие из нас так нервничают, что готовы порвать на себе последнюю одежду,

чтобы всем было видно, насколько им страшно.

– Тише, – говорю я, – и всё – точно будет хорошо.

Голова-Тыква прошел уже половину пути – и ничего с ним не произошло. Многим посетителям он даже надоел со своей тыквой на голове, поэтому они отвели взгляды и вернулись к прежним своим делам.

Каждый может напасть на нас и причинить нам вред – убить кого-нибудь или обокрасть, если найдёт что взять. Есть города – я много слышал о них, но был лишь однажды в таком – в которых убийство ведьмы, колдуна, разбойника, блудницы, полоумного и прокажённого – чья личность была подтверждена, а вина ясна и очевидна – не считалось за преступление; а грех – легко и дешево отпускался убийце, если тот был праведником и вовремя посещал церковь.

Но Голова-Тыква бесстрашно доходит до конца. Наши страхи мигом сменяются ликованием и праздная победу, мы несёмся к нему.

– Хозяин! Эля нам!

Владелец кабака, с руками толстыми как два бревна – подходит к нам и улыбается, даже не силясь выставить свою улыбку правдоподобной. Даже полоумного такая гримаса на лице не обведёт вокруг пальца.

– Эля?! – тут он старался придать своему тону такой доброжелательности, на какую только был способен, – гостям в своём доме я рад всегда. Бочонок другой у меня для вас, может быть, найдётся. Но, господа, позвольте вас спросить: чем

платить за эль будете? Я в долг не даю. А кто пытается обмануть меня – тот случайно пропадает без вести, что и волки в лесу о нём не услышат.

Я оглядел зал: публика уже давно потеряла к нам всякий интерес и каждый вернулся к своему занятию. Лучше момента мне было не сыскать. Я снял свою шляпу перед хозяином этого клоповника. Самое время выставить себя полным идиотом, чтобы смягчить жесткий нрав этих немцем. Моё представление – должно их немного развеселить.

– Что вы, благородный лорд, неужели спутали нас с нищими аль бродягами?! Ах, нет, вы серьёзно ошиблись. Мы можем заплатить вперёд, коль вашей светлости будет угодно. Из ваших уст я услышал про бочонок эля?! – я достал их своего клочка грязных и слипшихся от сала волос на голове золотую монету с портретом французского монарха, – так давайте сразу два.

За подобные выпады меня и прозвали «капитаном дураков». За своей репутацией я слежу и проколов себе не позволяю. За это меня и держат на корабле как главного дурака на Рейне.

Ах, это выражение лица хозяина этого дешёвого притона – как я привык к таким взглядам за эти годы. Я только что унизил его, хоть и за время нашего короткого разговора, я всё время старался выставить за униженного себя. А этот бугай даже не подозревает, с какой продажной грязью я только что его смешал. Ни принципов, ни морали – только деньги, а

за них – хоть дурака он примет как короля. Это была истинная победа, о которой побеждённый даже не знает.

Все черты его лица смешались. Он выхватил монету и быстро зашагал куда-то прочь, оставив после себя лишь мерзкий запах изо рта.

Золотая французская монета, волшебным образом возникшая в грязных пальцах такого оборванца как я – конечно же, против воли вернула нам заслуженное внимание публики. Ничего иного и ожидать не следовало. Всё продумано до самого последнего шага.

Я встаю ногами на стол и чуть не ударяюсь головой о потолок. Зато теперь, каждый в этом кабаке может отлично меня разглядеть. Я прижимаю левую руку к груди, а правую – театрально подымаю вверх:

– Дамы и господа, – начинаю я, – перед вами – вовсе не команда дураков. Мы – свободные люди, которые странствуют по свету и волей Господа пытаются как-нибудь выжить в этом жестоком и опустошенном войнами и болезнями мире, где царь не Бог, но Дьявол. Мы – вовсе не попрошайки. Мы – несчастные и бедные люди, от которых отвернулись все, даже близкие и друзья. Но мы – так же и поэты, и актёры. Мы – вовсе не те дураки, за которых вы нас считаете. Наш корабль – это убежище для всех и каждого, от кого отвернулся Господь, но кто остался невиновным ни в чём. Мы, за самую скромную плату, предлагаем вам услуги всех категорий. Правда – не существует того, чего хотя бы один из чле-

нов моего экипажа не сумел бы сделать. И плата – чисто символическая; в разы меньше, чем услуги местных мастеров. И да, если у здесь присутствующих имеются дурацкие родственники – мы готовы принять их на свой борт, если они не страдают морской болезнью и не склонны выбрасываться за борт. Ну, давайте: от кого бы вы хотели избавиться, отправив в путешествие на корабле дураков? Ну же, господа?

Сначала, ты убеждаешь себя в правдивости того, о чём говоришь. А вставить эту мысль в головы остальным – дело звука. Этот закон был известен ещё древним греками, манипулировавшими людьми задолго до моего рождения. Звучание их языка – прекрасно; а идея – настолько же глубокая, насколько древняя.

Я был доволен собой. Я ждал аплодисментов в виде моря предложений: нового члена экипажа или работы – для дураков всё хорошо. Каждый новый город – новый шанс, для каждого из нас. Вдобавок, из погреба успел вернуться хозяин кабака с двумя бочонками в каждой руке, а за ним цепочкой тянулись его жена и дети с деревянными пинтами для нашей скромной компании.

Несколько человек в зале даже привстали – видимо, мои слова кого-то всё-таки зацепили и они были готовы обратиться ко мне. Но их опередил тот самый тип, который до сих пор, хоть и был мертвецки пьян, не спускал руки с пояса, где висел его тяжёлый меч.

– Дьявол! – закричал он, указывая на меня пальцем.

Только этого не хватало.

– Я помню тебя!

К такому повороту следовало бы подготовиться заранее. Убить этого мерзавца мало.

– Когда я был ещё мальчиком, – начал этот пьяный мешок отбросов, – я жил в Антверпене. Там водилось множество плутов и жуликов; но самым пронырливым и бесчестным из них – был он – тот, кто стоит сейчас на столе, в кругу дураков. Все плутовки Антверпена ходили за ним цепочкой. Он использовал беспризорных детей; и те ради него грабили, обманывали и иногда убивали тех, кто стоял у него на пути. Я вижу, хоть он и покинул Антверпен, но всё равно управляет людьми. Ведь его дураки – его рабы. Они полоумные – и ни в чём не знают себе границ. Я помню, как этот поддон сел на корабль и смылся. Ещё лет десять назад вести о его проделках доходили до меня из Амстердама, Брюгге и даже Копенгагена! Сколько городов, сколько людей ты обвёл вокруг пальца, а, мерзавец?! И вот, ты здесь – хочешь навредить этим добрым людям?! Так я покажу тебе! Никогда мне не забыть твоего лица – я видел его в детстве множество раз.

Нет, ну конечно же, он врал. Как минимум треть его слов, говоря откровенно, были неправдой. Но вот кто же это мог быть, раз он узнал меня?! В такие ответственные моменты – память подводит меня.

– Взгляните на меня, добрые граждане, – сказал я, – да я ведь одного возраста с этим отважным рыцарем. Как же

я мог вести разбой в годы его юности? Может, я сам был ребёнком, когда стал королём преступного мира?!

Смешки в зале.

– Какие богатые фантазии у этого милого господина, – продолжил я, – кажется, любезные граждане, я нашел уже нового члена своего экипажа. Ну, кто за то, чтобы мы приняли его на свой борт?!

– Ты, ублюдок, помню, хорошо говорил по-нидерландски в годы своего разбоя; почти так же хорошо, как сейчас говоришь на немецком. Этих людей – обмануть тебе удастся; но меня – никогда. Скажи, неужели ты забыл этот язык?

– Да я и был всего-то пару раз проездом в Роттердаме – откуда мне знать нидерландский?! Господа, кто-нибудь знает, кто такой этот сэр в доспехах времён первых крестовых походов?

– Меня ты не обманешь, – он внезапно перешёл на нидерландский – слова и звуки такие же, какие можно услышать из каждой щели в антверпенском порту.

Он медленно сделал пару раскачивающихся шагов, будто даже пьяным не терял осторожности, всё так же сжимая рукоятку меча, но не торопясь вынимать его из ножен.

– Ты ведь знаешь этот язык, не так ли?

– Что он бормочет? Что это за язык? Кто-нибудь здесь говорит на турецком?

Главное: забыть о том, что я прекрасно владею всеми формами тогдашнего нидерландского – тогда и убедить осталь-

ных в этом у меня получится. Но это трудно – делать вид, что ничего не понимаешь, когда тебе ясно всё.

– Ты ответишь за всё, – сказал он, – я вызываю тебя на поединок.

Он быстро рванулся в мою сторону и почти подошел к столу, на котором стоял я.

– Здесь и сейчас!

– Вахтэ! – против своей воли, я попросил его подождать немного на нидерландском и тут же обратно перешел на немецкий, – четыреста лет назад, а Византии, я голыми руками разделался с целой бандой разбойников-крестоносцев, державших в страхе всю округу. С тобой – мне хватит и одного пальца.

Я набрал из бочонка кружку эля и выпил её залпом.

– Ты ведь кое-что забыл.

– Что? – спросил он.

– Где твой шлем, рыцарь?

Его рука, сжимавшая ножны, стала вытаскивать меч – ясно, с какой целью. В этот момент, я схватил бочонок эля с откупоренной верхушкой и прыгнул вместе с ней со стола в его сторону. Я надел бочку прямо ему на голову. Его лоб пробил дно сосуда с нашей выпивкой. Мои ребята останутся без эля; но мне ничего не жалко для этого рыцаря – пусть он напьётся местного пойла по горло.

Меч выпал у него из рук. Он упал и мне показалось, что наш герой потерял сознание. Но как бы ни так. Толпа в зале

уже взорвалась от смеха: и хозяева, и посетители, и особенно мои ребята – все насмеялись тогда вдосталь, хлопая в ладоши. Но мне стало не до шуток, когда рыцарь неожиданно поднялся на ноги.

– Ах ты чёртов ублюдок!

Он снял с себя бочку, поднял меч и замахнулся на меня. Мне едва удалось отскочить.

– Сир, а вам известно, что время рыцарей – давно прошло?!

Он снова бросился в атаку; мне пришлось отступить во второй раз.

– Теперь: тот, кто держит меч – больше не самый главный в деревне.

Уклонившись от ещё одного удара и отойдя от пьяного забияки на приличное расстояние, я сказал:

– Одумайся.

– Хватит бегать от меня, трус, сражайся!

Из-за пазухи я достал инструмент, применить который я не планировал ещё много лет. Но пришлось. Моя новая любовь – изобретение века. Я наставил оружие на него.

– Кажется, эту штуку называют «пистолет», – сказал я, приготовив замок к выстрелу, – турки разбили византийцев только потому, что у них были эти штуки. Они пробивают любой доспех и никакой меч не остановит их.

– Трус, – тяжело процедил он сквозь зубы, – сражайся со мной.

– Только не вашим оружием, милорд, – улыбнулся я, – если вам так будет угодно, померяемся силами: меч против пистолета.

Мне показалось, он впал в небольшой ступор. А затем злость перевесила здравый смысл; и он сделал выпад в мою сторону, в надежде проткнуть меня мечом.

Раздался выстрел – грохот такой, что всех присутствующих оглушило. В воздух поднялся дым. Я прострелил ему бедро. Он закричал, как умирающий в адских муках грешник; и вся его туша в доспехах повалилась на пол. Он забыл и про меч, и про меня; он мог только проклинать всё живое на белом свете, прижав руку к кровавой ране.

Сначала, ты двадцать лет учишься искусству владения мечом, чтобы никто не мог тебя одолеть; теряешь не бесконечные поединки всю жизнь. А затем любой оборванец, держащий в руке это адское оружие – одним движением пальца может отправить рыцаря на тот свет. Но я – всего лишь прострелили ему бедро.

Тёмные века, наконец, отступают. Что же ждёт нас всех впереди?! И как легко теперь людям стало убивать друг друга.

– Врача! – кричал он, – молю, врача!

– Нужно вытянуть пулю из раны – иначе, он умрёт, – сказал я.

Лужа крови украсила пол кабака.

– Я не могу встать!

– Доигрался, – сказал я, пряча пистолет, – я ведь тебе сказал: время рыцарей – прошло. Я ведь тебя предупреждал.

В наше время нужно быть осторожным, когда достаёшь меч из ножен; ведь у твоего противника может оказаться пистолет.

Самый хладнокровный из нас вытащил пулю из его раны. Затем, куском ткани мы перевязали ему дырку в бедре. Несколько мужчин и женщин какое-то время ещё хлопотали над ним. А затем унесли куда-то – в какую-то комнату, наверное – мне было всё равно. Всё время он кричал от боли.

На самом деле, я проявил милосердие к этому несчастному идиоту, которому самое место у меня на корабле.

– Капитан, – прокричал человек-попугай, – капитан-капитан!

Ведь кто помешал бы мне в тот миг целиться прямо ему в голову?! Я не люблю убивать людей – даже таких. Поэтому, пусть он скажет мне спасибо.

Да, я очень добрый человек; хоть моя долгая жизнь – всё время наказывает меня за это.

Даже сейчас, хоть я и победил, я ловлю на себе недобрые и подозрительные взгляды. Какой из них не поймай – ни в одном не будет ни понимания, ни сочувствия; только страх, неуверенность, чувство опасности. Я стоял перед всеми этими людьми и упорно делал вид, что не замечаю их. Это всегда ужасно – к такому не привыкаешь. Для них: я был уже не весёлым дураком, а опасным сумасшедшим, от которых

избавляются при первом же случае. Псих, сырьё для костра – да, это всё про меня. Этот город стал полным провалом. Здесь мы потерпели неудачу; чем скорее мы отчалим и пустимся в поиски нового места – тем лучше для нас. Нечего теперь нам ловить в этом тёмном порту.

– Я приношу свои извинения, господа, за оказанные неудобства.

Что мне остаётся?! Я ухожу. Но мне не хочется возвращаться на корабль – там мне кажется, что я ещё больший дурак, чем те, кто меня там окружает.

Моя команда молча следует за мной. Они напоминают мне бродячих собак, которые покорно следуют за каждым, кто кормит их. Я не смог удержаться и накричал на них, как только мы оказались на улице. Я приказал им возвращаться на корабль, сидеть там тише воды и ниже травы, пока я не вернусь. Они доверяли мне, боялись и уважали; они выполнят всё, что я им скажу – если им приказано сидеть тихо, они так и поступят. Они любят меня, потому что я разговариваю с ними и слушаю их; я считаю каждого из них таким же, как и я. Если мне что-то не нравится – это приводит их в такой ужас, что они превращаются в рабов моих желаний; моя воля становится для них мировым законом, какой бы разновидностью безумия эти несчастный не страдали бы.

Сто лет прошло с тех пор, как самые страшные эпидемии чумы покинули Европу – болезнь для многих исчезла так же внезапно, как и пришла сюда. Для всех, кто жил в то вре-

мя, эта кара была ужаснее Ада; целые города превратились в кладбища. Но для меня – она стала шансом. Я так долго жил в этом мире: видел рождение и смерть стольких империй. Тысячу лет назад новые европейцы, вышедшие из степей и лесов, приняли наследство Рима и отстроили разрушенные города. Но новой цивилизации суждено было повторить ошибки прежней. От увиденного за века у меня кололо в груди, а на силой закрытых глазах выступали слёзы.

Когда смерть пролетела на своей косе над Европой, я надеялся, что это и моё спасение. Гибли и пустели города; по всему изведанному нами миром бушевали пожары и разбои. Урожаи гибли, вода была отравлена. Многие стали думать, что всему человечеству пришло время покинуть землю и отправиться в лучшие миры.

Но этого не произошло.

Уже в который раз?!

Сто лет прошло; люди не перестали болеть, но уже не так, как раньше. Города снова заполонили толпы. И среди новых людей я начал замечать тех, на кого прежде все закрывали глаза.

Конечно же, полоумные были всегда. Но после чумы самой страшной болезнью считали проказу, которая тоже заставила появиться целые города, жители которых носили кожу, внешне напоминавшую кору умирающего дерева, испачканного глиной. Когда прокажённых становилось всё меньше и меньше, в больших количествах во всех городах Евро-

пы стали выделять больных, к которым позже причислят и меня.

Существует много видов безумия и ещё больше частных случаев. Но них есть одно свойство, которое объединяет их всех; делает их похожими на страдающих от чумы и проказы. Человек отделяет себя от общества; для него остальные люди перестают существовать. Общество само отвергает безумцев и ищет способы от них избавиться. Как и с чумой, и с проказой – не существует способов уберечь себя от болезни; заразиться безумием могут и нищие, и богачи. Но из какого бы общества полоумный не вышел – на сочувствие он мог и не рассчитывать. Никто за сто лет так и не додумался до того, что страдающих безумием можно лечить – что их нужно спасать. Нет, от них просто избавлялись, списывая на такие же людские потери, которые существовали во времена разбоя чумы.

Так стали появляться корабли дураков. В первое время, на них сгоняли всех, кто лишился разума и отправляли в свободное плавание, чтобы те пропали где-нибудь – и лучше как можно дальше. Безумцы кочевали из города в город, ища себе место, где их не гнали, где они могли найти душевный покой. Легко представить, сколько людей погибло прежде, чем у кораблей появились капитаны, которые определяли курс и назначали законы. Они и стали первыми, кто лечил больных. Были случаи, что безумцы выздоравливали. Они заново учились жить и находили себе семьи на берегу. Тогда, ко-

рабль дураков с радостью прощался с ними. Но многие буйные безумцы, кого корабль приковал к себе цепями в буквальном смысле – находили на них и свою смерть. Ничего другого мы не могли для них сделать.

Если кто попадал на такой корабль по ошибке – он быстро сходил с ума.

Странствующие дураки причаливали в портах лишь за тем, чтобы пополнить запасы воды и еды; попытать счастье найти новый дом. Но все они, так или иначе, были изолированы от мира на своих кораблях; и в собственных головах.

Я долго ждал, пока мир покажет лишь одну – хотя бы одну черту, которая бы доказывала, что в нём осталось ещё что-то человеческое и справедливая. Но я этого так и не дождался. Теперь я тут; и живу я так.

Многие назовут меня просто убийцей и разбойником, которого трижды ловили, трижды приговаривали и трижды рубили голову. И каждый раз я оживал и начинал всё с начала. Я не знал другого пути, чтобы удержать себя на плаву в этом мире.

После падения Рима я долго ждал, пока вновь не сменятся времена и мир перестанет быть таким жестоким. Я ждал нового человечества и новой Европы. Но мир никогда не перестанет быть таким, каким он есть. И изменить каждый может лишь сам себя – восстать против собственной внутренней вселенной. Кто знает: станешь ли ты после этого безумным или наоборот. Любые изменения и любая борьба – только к

лучшему.

И всё же, тёмные века – почти прошли; как и в Европе – так и внутри меня.

Я шел по пристани: от трактира к кораблю. Мои люди были уже на борту; но я не особо торопился возвращаться к ним. И я шел так вперёд, мысли вертелись в голове и кусали меня подобно диким зверям, пока не сел у великой реки и горько заплакал.

Вокруг меня были только ночь и скорбь, с характерной для них пустотой мыслей и формы. Я подумал о том, что всё время именно этим и была вся моя безумная долгая жизнь – ночью после трагедии.

Но река – была во много раз старше меня; и видела она куда больше смертей, страданий и несправедливости. Я мог сидеть у неё часами; а затем – днями, неделями, проходящими мимо меня незаметно. Ведь что для меня время? Это безумие человеческого мира; от которого – река свободна. Нас с ней не нужны были слова, чтобы понимать друг друга. Всё самое прекрасное, что когда-либо строили люди – они возводили на берегах реки. И если бы ангелы, спустившиеся на Землю, решили бы не принимать людской облик – они стали бы реками.

Да, я мог просидеть там ещё очень долго, глядя своему ангелу прямо в лицо. Так и произошло бы, если бы настоящий демон не нашел меня. Сначала, он казался мне ангелом.

Я не услышал её шагов; я не заметил, как она села рядом

со мной. Только когда она повернула голову в мою сторону, я невольно отвлёкся и развернулся в её сторону. На месте, где совсем ещё недавно была пустота – сидела прекрасная девушка. Тогда, я удивился тому, как её глаза похожи на мои. Нас окружала непривычная для портового города, пусть и такого маленького, тишина. Мы смотрели друг на друга – я должен был испугаться или хотя бы удивиться. Но мой взгляд застыл на ней и мы оба не знали, какие здесь можно найти слова. В море тоски всегда найдутся такие островки, за которые хотелось бы ухватиться покрепче и помнить только их, без всего остального. Это был как раз такой миг. Пусть бы всё так и оставалось.

Спустя тысячу лет, когда я вспомнил о ней, я удивляюсь, когда тогда сумел начать разговор первым. Мне легче думать сейчас, что слова сами нашли меня в нужный момент.

– Никто не знает, откуда к нам приходит горе.

Я сделал вид, что размышляю вслух, подобно тоскливому полуночнику, обращаясь ни к кому, даже не к себе. Идеи сами проецировали себя в реальность.

– Кто плывёт за его течением, шатаясь по волнам; а кто мирно живёт у него на берегу, каждый день окунаясь в него с головы до ног и нося его с собой как одежду – продолжал я – ведь я безумен, не забывай, – вам – жителям суши – никогда не понять настоящего горя человека воды. А нам: остаётся только смеяться над вами, ведь мы живём в разных мирах – что для нас смешно, вас доводит до слёз.

Иногда, мне нравится моё безумие – оно даёт мне право говорить в разговоре о том, чего я хочу, без всяких прелюдий. Я могу сказать всё, что угодно – первое, что приходит в голову; ведь мир, в котором я живу и всё происходящие в нём события – для всех заранее означают лишь чепуху и вымысел.

Обычно, люди уходят; и сразу забывают о том, что услышали от меня. Но эта девушка посмотрела на меня так, как один разумный человек смотрит на другого – и сразу становится ясно, что эти двое говорят на одном языке, понятном лишь им одним. Не помню, как давно я уже не испытывал на себе подобных взглядов.

– Но оттого, – неожиданно заговорила она на нидерландском, – страдания людей, топчущих землю – не становятся легче горя тех, кто качается по волнам и не видит на горизонте суши.

Звучание этого языка вкусно как сыр и приятно как свежий ветер, дующий в поле. Я улыбнулся.

– Ты – говоришь совсем как я, – сказал я на нашем с ней языке, – а знаешь ли ты, что я – капитан корабля дураков и что приличным дамам следовало бы опасаться таких людей как я.

– Спасибо за совет – мне очень приятно. Но я не приличная дама, – покачала она головой, – а кто ты такой – мне и так известно; может, даже больше, чем сам ты знаешь о себе. Ты говоришь на прекрасно нидерландском, будто родился там.

– Я просто долго жил в этой прекрасной стране.

– А я родилась там. Но французским, немецким и английским я тоже владею.

– Тебе, наверное, пришлось много путешествовать, раз ты говоришь на стольких языках.

– Я никогда не была в Англии; зато говорила со многими торговцами в Антверпене, которые родом были оттуда. Они меня всему и научили. Умные; но жадные и страшные люди.

– А я был в Англии – волшебная и прекрасная страна; но жизнь в ней – тяжёлая и совсем не сказочная.

– Есть ли места, в которых ты ещё не был?

– Хотя я и живу уже две тысячи лет – я всё ещё не смог побывать везде в этом мире. Большую часть своей вечности я потратил на сидение в четырёх стенах за перечитыванием древних книг, многие из которых теперь не существуют. В основном, маршрут моего корабля лежит по Рейну, но заплываем мы иногда и в море, и в другие реки. Скучать нам не приходится, как и стоять на одном месте; но куда бы мы ни прибыли – нас ото всюду гонят. Поэтому, мы двигаемся дальше.

Если она лишь притворялась, что внимательно меня слушает, то это у неё удавалось хорошо. А затем, она сказала:

– Тот человек, которого ты пристрелил в таверне, – её глаза скользнули вниз, заглядывая вовнутрь меня, – он был моим лучшим другом. Единственным, кто заботился обо мне.

После этих слов я не знал куда смотреть и куда деть глаза.

– Откуда тебе было знать?! – сказала она.

– Он хотел убить меня.

– Да, он вёл себя не так, как достойный человек. Но что делать тем, кто без него останется ни с чем?! Одним выстрелом ты ранил не только его – но и множество невинных.

Я быстро заморгал.

– Лучше бы ты убил его – так, он бы не мучился.

– У меня была всего одна пуля.

– Ты мог попасть ему и между глаз, если бы захотел, – она резко повысила голос, – но не сделал этого.

И вот: первая слеза потекла уже по её щеке.

– Он мог бы быть убитым в бою; но вместо этого, он был ранен – а значит лишен возможности вернуть себе достоинство и обречён на худшую участь, которая может постигнуть такого как он.

– У меня есть и вторая пуля, – от страха и растерянности, я произносил первые слова, пришедшие мне в голову, – в кармане. Или я могу вызвать его на поединок, где наличие здоровых ног – не главное. В этом поединке мы сможем сразиться на равных и у него будет шанс вернуть себе свою честь. Это всё, что я могу для него сделать. Этого ты хочешь?

– Нет, – она вытерла слёзы со щеки, – всё это – уже не столь важно. Никто уже не вернёт ему то, что он потерял сегодня ночью. А он – единственный человек, который заботился обо мне с тех пор, как мой отец умер от гриппа. И ты даже не представляешь, как я ему благодарна.

Она ненадолго притихла, давая мне время собраться с мыслями.

– Но за все эти годы: я его уже достаточное количество раз отблагодарила. Так что, думаю, я расплатилась с ним за всё.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила она, немного подумав, – и теперь: дальше по жизни и до самой смерти мне придётся идти одной – пока какой-нибудь разбойник с большой дороги не поймает меня, не наиграется мной и не убьёт, или пока очередная болезнь не свалит меня с ног. Но не думай, что я жалеюсь на жизнь и на Господа. Я прекрасно знаю, что этот мир мне ничего не должен; как и я ему – ничего.

Её голос вновь стал холодным и спокойным. С каждой новой минутой она пугала и очаровывала меня всё больше. Она говорила со мной так, будто скрывать ей было нечего – но загадка в ней определённо была. И я не мог просто уйти, оставив её нераскрытой.

– С самого начала ты всё правильно понял, – тон её был ледяным, – да, я пришла сюда, чтобы в последний раз отблагодарить своего друга за всё, что он для меня сделал. Он не сможет жить в унижении и бедности, лишившись ног. Раз ты сделал его таким – так избавь его от страданий. И я каждый день буду молиться, чтобы его душа попала в Рай.

Я кивнул; ничего другого мне и не оставалось.

Мы вместе вернулись в злополучный кабаk. Только тогда я вспомнил, что мои друзья на корабле, наверное, уже зажда-

лись меня. Но я мысленно ответил и им, и всему миру: это дело – куда важнее всех прочих; остальные подождут.

Хозяин смерил меня недобрым взглядом, хоть моя монета теперь лежала в его кармане. Одна его рука лежала под стойкой, где, видимо, он держал топор. Но мешать нам подняться на второй этаж он не стал – хоть и знал, что там лежит раненный мечник. Уже на последней ступени я посмотрел вниз. Хозяин всё так же смотрел на нас безумными глазами; но не двигался с места. Нет, скорее всего, это было не совсем безумие. Ужас – все маскируют его за подобной злобой.

Когда дверь в его комнату отворилась – я подумал, что за убийство лежачего – меня и всю мою дурацкую команду могут ждать серьёзные проблемы. Если на схватку с этим мечником люди могли смотреть сквозь пальцы, если мы поторопимся скрыться – то за убийство нас ждёт та же самая участь. Но тогда я подумал и о том, что все в этом городе, кому есть дело до закона – уже давно спят; а под утро – нашего корабля уже и след простынет. К тому же, у меня был долг перед этим несчастным человеком. Только я могу нанести ему последний удар милосердия, чтобы хоть как-то смягчить свою вину перед ним и избавить от страданий этого ужасного подлинного мира.

– Прости меня, – сказала я, доставая нож и думая: мог ли я в тот миг, когда спускал замок своего пистолета поступить иначе?!

В трактирных номерах обычно ночуют сразу по шесть-

семь человек на комнату. Но на этот раз единственным свидетелем для нас с этой девушкой в номере рыцаря – была одна единственная звезда в маленьком окошке в стене.

Несчастный, мучимый кошмарами, уже давно отошел в глубокий сон – не без помощи усыпляющих смесей. Конечно, он и не мог заметить, как мы зашли внутрь. Он не вызывал у меня никаких чувств, кроме жалости и сожаления. Я приготовил свой нож и подошел к нему вплотную.

– Мне – всего шестнадцать, – неожиданно прошептала моя спутница, – а тебе сколько? Прости, что сейчас, но мне нужно знать. Ты забыл мне сказать.

Я застыл над спящим человеком, сжимая в руке нож и стал пересчитывать прожитые мною годы. Их было невероятное множество – слишком много, чтобы вынести без жертв.

– Через шестьдесят или восемьдесят лет... в общем, совсем скоро, мне исполнится две тысячи лет.

Я подумал, что мне совсем не обязательно обманывать свою юную спутницу; ведь вряд ли она поверит в мою правду. Но она осталась спокойной, будто мой возраст был в порядке вещей.

– А как тебе удалось прожить так долго? – продолжала спрашивать она.

Я начинал злиться.

– Меня проклинали.

– Это не похоже на проклятие.

– Поверь. Смерть – во много раз приятнее и слаще, чем многие люди о ней думают. Она не лучше жизни. Но этот мир – совсем не стоит того, чтобы жить в нём так долго, как я.

– И за всё это время тебя никто не пытался убить?

– Пытался.

– И не получилось?

– Я убегал, – улыбнулся я, – всё-таки, мне хочется жить, когда моему существованию угрожает опасность.

Когда я произносил эти слова, один глаз спящего несчастного невольно открылся, чтобы взглянуть на надоедливый источник шума. Когда до его пьяного сознания дошла мысль, что он видит не чьё-то случайное лицо – а лик глаза его собственного убийцы – уже второй глаза его открылся и упал на мою спутницу, стоящую у меня за спиной.

Я увидел, как его рот раскрылся, чтобы завопить от ужаса. Мне стало ясно, что отвлекаться на разговоры больше невозможно; и в тот же миг ударил его ножом прямо в сердце, не желая пачкать себе одежду реками крови, как если бы перерезал я горло.

Поэтому, он смог перед смертью выкрикнуть последнее своё слово на родном языке. Я услышал его – и это было последнее, чего я только мог ожидать:

– Oppassen!

Это означало – «берегись»!

Моё недоумение заняло всего полсекунды. Затем, я всем

умом и телом ощутил, как что-то холодное пронзило мою кожу; и затем стало жарко, как в Аду. С давних лет мне знакомо это чувство.

Я упал на колени и повернул свою голову в сторону убийцы, надеясь, что она ещё не успела скрыться. Это была моя спутница – она ещё несколько раз ударила меня ножом, пока я не свалился без сил.

Последним, что я увидел перед тем, как потерять сознание – была она, покидающая комнату и спускающаяся по лестнице.

Перед своей смертью мне хватило сил улыбнуться; ведь я знал, что всё это – ненадолго.

Несчастный рядом со мной, как я думал – был уже мёртв. А за маленьким окошком на стене тем временем – становилось синим небо и подымалось солнце. Наступал новый день, стирая из памяти ночь.

Интермедия Вторая

Мы шли по Хрещатику в сторону Майдана Незалежності, как какой-то нищий преградил нам путь. Он сказал:

– Вы думаете, что знаете куда идёте; но вы ошибаетесь! Там, – он указал в сторону площади, – вас ждёт только горе. Такое, каким оно постигло меня, всю страну; и такое, какое ждёт и вас!

И убежал.

Вокруг, как всегда: бродили толпы людей; и остановивший нас бродяга неопределённого пола быстро скрылся среди них, направляясь, наверное, в сторону какой-нибудь станции метро.

Киев, в который мы прибыли утренним поездом, встречал нас весело.

Уже и не вспомню в который раз я снова здесь; и в который раз я снова вижу этих чудаков, всегда умевших поднять мне настроение.

В Киеве, как и в любом большом городе, единственное, что меня привлекало – это его ритм жизни. Во всех этих пейзажах, застывших в постоянном движении – я каждый раз прочитывал гимн вечной жизни, состоящей из множества коротких – таких же бессмысленных, сколько прекрасных. В таких городах легко проходит время; хоть и сам Киев, почти во всём, меня только разочаровывал. Но это не важно.

Вопрос: почему?

Потому что мы вместе; но, кажется, я немного заговорился. Совсем забыл, что рядом со мной находится милое и ранимое создание – куда моложе и ранимее меня. Её совсем не интересуют метафизические достопримечательности Киева, о которых я распинаялся перед ней битых полчаса – впустую потраченное время.

Когда я так много говорю и не встречаю сопротивления – мне постоянно приходится напоминать, что в мире существуют и другие люди кроме меня. Но, впрочем, на этом свете много чего существует – и всё ни про что.

– Хочу спать, – сказала она, но вряд ли обращаясь ко мне.

Она перевернула сувенирный шар с ёлочкой и искусственным снегом, который всегда носила с собой в рюкзаке. Затем, моя спутница долго смотрела, как маленькие звёзды так медленно падают вниз. Она там устала, что не осталось у неё сил даже на то, чтобы закрыть глаза и просто упасть головой на стол кофейни, куда я привёл её и где я надеялся слиться с толпой зевак.

– Как ты? – спросил я.

– Неплохо, но бывало и лучше.

– Это всё из-за того, что я всю ночь рассказывал тебе свою историю?

– Да нет. Просто мне нужно немного прийти в себя.

– Тебе бы выспаться. Извини, я совсем забыл, что люди придумали ночь для сна; это всё моя вина.

Она только вздохнула.

– Да – ты права; я – тот ещё мерзавец. Я ещё более вредный, чем яд на завтрак. И мне многие об этом говорят; но я слушаю только тех, кто как ты – мне ничего не говорит, зато так громко думает.

– А ты сам: вообще, хоть иногда спишь?

– Только когда мне невыносимо скучно – тогда, я могу спать и день, и ночь. Но во время путешествия – мне почти никогда не бывает скучно. Этот мир – постоянно меняется и я не хочу пропустить это ни секунды этого момента.

– С твоими деньгами ты можешь путешествовать постоянно.

– И да, и нет.

Я улыбнулся.

– Сложно, правда?

– Ну конечно, – она упала на спинку кресла, всем своим видом давая понять, что устала и от него, и от меня, и от путешествия, да впрочем, и от всего остального.

Я смотрел на неё; и думал о будущем.

А затем, неожиданно, она подымается со спинки кресла, будто что-то придумала, и широко раскрывает глаза.

– Ладно, действительно, чего это я?! Всё ведь зашибись – мы наконец-то выбрались в Киев, а не в какой-нибудь проклятый Мелитополь, в который тебе неизвестно с какой стати понадобилось отправиться. Допивай уже свой дорогуший, невкусный кофе и пошли гулять. Уж как-нибудь, раз мы пу-

тешествуем, постараюсь не свалиться с ног после той ночи.

А ведь это – почти искусство – жить так, как живёт она.

Двадцать четыре удара – двадцать четыре рёва; отовсюду слышен гул мотора, кислотные сигналы электрокаров и топот ног. На время, мы с ней сошли с ума; и полчаса в этом городе стали всего одной минутой.

Добравшись до Мариинского парка, мы вернулись обратно до Европейской площади; затем спустились вниз до Фунникулёра и направились к Андреевскому спуску, чтобы по нему подняться. Прогулка для любителей горных походов. Мы прошли мимо Михайловского и Софиевского собора и по Пушкинской улице вышли на бульвар Шевченка. И направились по нему вверх.

Мы прошли уже довольно много; но всегда готовы пройти ещё больше – пока ноги не отвалятся, ну и чёрт с ними.

Я ходил по этому же маршруту сто лет назад; и не могу не поразиться, как сильно изменился город за это время. Теперь, он похож уже не на свежий плод, а скорее на перезревшее, червивое и надкушенное яблоко, все дыры и трещины в котором заделаны металлом и стеклом. Но я не говорю, что всё, что произошло с городом – плохо; это просто совсем по-другому, чем было. Любое зрелище стоит того, чтобы им любовались. И я – смотрю на все эти сорокаэтажные дома, но вижу совсем не их, а происходившие в них когда-то маленькие трагедии и истории, многие из которых затронули и меня – однажды, когда-то давно. Тогда, эта страна была

совсем другой. Но люди в ней – остались всё те же. Легко представить, что ждёт в будущем эту продутую всеми ветрами землю, люди которой проносят через всю жизнь ожидание счастья.

Я снова принялся что-то рассказывать Маше, даже не обращая внимания, рассказываю я о прошлом, настоящем или будущем. Я – даже не слышу собственных слов. Мозги мне давно промыло знойное солнце. Но мысли ко мне приходят всё равно.

– Человек, который жил в этой квартире – редко выходил из неё; даже из собственной комнаты он предпочитал не высовываться. Его единственный друг, знавший его ещё со школы, рассказывал мне, что всё время, которое он проводил взаперти – он посвящал мыслям о будущем. Но это – всё равно не помешало смерти очень быстро найти его. Те, кто должен умереть – умрут всё равно – они рождены не для жизни. А тот, кто должен жить долго – не сможет умереть, даже если очень сильно того захочет.

Когда мы вернулись к Майдану Незалежности, меня накрыла новая волна воспоминаний. В былые годы, все самые большие концерты, всё самое лучшее и важнее – происходило здесь. Сюда стремились попасть все из самых дальних уголков этой страны. А теперь: здесь только молчание, памятники мёртвым революциям и пустые надежды.

Столица полна памятников нашей великой и ужасной истории. Но стольких людей – уже не спасти; и не стоит беспо-

коиться о них. Думать стоит только о живых.

– Ты помнишь этот город во время прошлой войны? – неожиданно спросила она, – та заварушка уже давно кончилась; но ты ведь был ещё тогда здесь, раз говоришь, что прожил уже почти три тысячи лет?

– Это была не война, – покачал головой, – это было безумие.

– И всё-таки, расскажи о ней.

– Я ещё не дошел до этой части своего рассказа.

– Ну, хоть коротко.

– Хорошо, – сказала я и почесал подбородок, – Представь, что у меня в руке кубик. Ты не видишь того, что находится внутри; но есть люди, которые просто знают, что там. Они не говорят откуда – а если говорят, то часто лгут. Так вот: в одно ухо тебе шепчут одно; а в другое – совсем иное. А у тебя в голове может быть своё мнение – третье. Но на то, что происходит внутри самого кубика – это никак повлиять не может. А узнать, что там, наконец, происходит – можно только разбив его. Но это невозможно. Ты можешь просто выбрать одну из существующих гипотез – но наверняка среди них нет ни одной правдивой. Вот почему я не люблю говорить об этом.

Я говорю ей все эти странные и грустные слова; и почему-то добавляю:

– Но для нас – это совершенно неважно. Для нас – значение имеет лишь собственное будущее – единственное, о чём

имеет смысл думать всерьёз.

Мы проходим мимо Контрактовой Площади.

– Эти мысли могут прийти к тебе, когда ты с чашкой полуночного кофе станешь в сотый раз пролистывать свою одностороннюю ленту в телефоне; или читать книгу; или ехать в переполненном вагоне поезда, вдыхая запах, от которого начинаешь жалеть, что у тебя не заложен нос. Эти мысли догоняют тебя, как бы быстро ты ни бежал. Они могут застать тебя при исполнении самых обыденных и рутинных дел. Но так или иначе: они приходят всегда и ко всем – это знали люди, которые жили ещё три тысячи лет назад. Эти мысли могут прийти к тебе, когда ты шестнадцатилетняя или шестидесятилетняя. Они – чудовищны и прекрасны. Они заставляют тебя смеяться сегодня; но завтра – уже плакать. Но благодаря им ты знаешь точно, что жива.

Эти мысли...

Проходит полчаса.

– И чего ты снова улыбаешься? – слышу я голос, будто издали.

– Да так: задумался.

– О чём?

– О будущем, конечно.

Мы свернули вправо; дом за домом, улица за улицей – нам открывался город. Мы остались совершенно одни. Я заразил её своими думами о будущем; но своё прошлое мы вспоминали вместе. Это было не очень приятно. На той позабытой

территории лежала лишь давно умершая любовь. Вернуть её к жизни было невозможно. Нет, и думать даже здесь не над чем. И эти одинокие мысли на пару – напоминали мне город, по которому мы всё идём и идём, и не видим ему конца.

– Ты веришь в ту историю, которую я тебе рассказал этой ночью?

– Разве тебя это волнует?!

– Иначе окажется, что вся моя жизнь – это просто выдумка.

– А ты попробуй самому себе доказать обратное.

Она улыбнулась.

– Забей, ладно? Ты позвал меня в это путешествие и мне нравится здесь. А ещё: мне просто нравится тебя слушать. Хорошая история. Жду продолжения.

– Я это делаю не только для того, чтобы она тебе просто нравилась.

– Пока что у тебя хорошо получается только это – хорошо рассказывать, – она похлопала меня по плечу, – надеюсь, твоя следующая история окажется убедительнее. Давай купим кофе в этом киоске и сядем вон там – оттуда открывается хороший вид на закат.

Что и говорить: так мы и поступили. Сели; и она спросила:

– Ну и в какую эпоху мы отправимся сейчас?

Мы – путешествуем постоянно, каждую секунду; и не важно: по лабиринтам планеты Земля или в глубинах собственного сознания, своих судеб.

Нам обоим – это известно. И мы – отправляемся в путь.

Она купила кофе латте, а я эспрессо. Мы сели, смотрели на умирающее солнце. И в этот момент я продолжаю свою историю.

Бойня №1

Начнём с того, что смысла у жизни – нет; и нечего даже его искать. Проблема в том, что узнав эту правду с утра – к вечеру, как говорят, можно и умереть. А раз так – значит всё дозволено.

В то время: мы были сыновьями своей родины. Это не мы должны были спрашивать вас, потомки: «Что вы сделали с нашей страной?», а вы нас: «Почему вы сделали нас такими? Зачем родили в мире рабов тех, кто больше всего на свете жаждет свободы?!». Мы – не желали мириться со своей проклятой и нелепой судьбой; потому и встали на баррикады и шли со штыками против пушек. Мы хотели, чтобы наши дети родились в свободном мире – не том, в который пришли мы. Это – была настоящая школа ненависти и огня. И я – учился жить заново, в новом для всего мира времени.

Но будем говорить обо всём по порядку.

План всеобщего крестинизма – действовал безотказно. И сотни тысяч людей по всей Франции уже устали ждать, пока придёт кто-нибудь и избавит их от тиранов, варваров и беспощадных убийц, закрывшими двери своих роскошных дворцов перед гибнущими толпами; поэтому, они взяли оружие в свои руки. Когда революция свершилась – самое трудное только начиналось. Парижу нужны были герои, которые не дали бы ему вернуться к той рабской жизни, против ко-

торой он восстал.

В день, когда это произошло: все в городе стояли как на иголках; и почти никто не знал, что творится вокруг.

Но ясно было одно: власти отныне боятся нас – простых людей. Они боятся того, что мы можем сделать. И они отправили армию сражаться против собственных граждан – против тех, кого однажды поклялись защищать.

Я не видел, как всё это происходило; но слышал, как люди кричали и пели гимны, когда солдаты присоединились к народу и взяли в плен генералов-живодёров. Быстрее ветра дух восстания разнёсся по городу от бедных рабочих кварталов до самого Нотр-Дама на острове Сите. Я шел по улице и видел столько радостных лиц, когда преступное правительство было свергнуто и на его месте – родилось новое, где, прежде всего, власть имел народ.

Двадцать два года назад уже происходило нечто подобное; и я заранее мог себе представить, чем это закончится. По крайней мере, мне так казалось. Двадцать два года назад – улицы покрыты были трупами и по их телам маршем прошли полки убийц. Но теперь, народ казался сильнее, чем прежде. И я, вместе со всеми – поверил в тот дух, которых пахнул свободой и новой, лучшей жизнью.

Это было похоже на праздник, который длится и день, и ночь; и на котором каждый отныне волен делать всё, что хочет. Каждый может осудить буржуа, если тот вёл себя несправедливо. Нам было всё равно, что в девятнадцати километ-

рах от нас – в Версале – армия тиранов готовится покорить самый свободный город на Земле. Мы были готовы принять этот бой.

Я наблюдал за всем этим по сторонам – это было моим любимым занятием уже не одно столетие; и я радовался, что внёс свою лепту во всеобщий праздник свободы. Когда в кофейне «Утомлённое Солнце» проводили свои сборы анархисты, я больше всех говорил о том, что образование и политика – требуют не просто реформ, а полного пересмотра; и что правительство, каковым оно было нам представлено – должно быть свергнуто полностью, до последнего мелкого чиновника. И, конечно же, я больше них всех понимал, что вся эта борьба с самого своего начала – обречена на сокрушительное поражение, как и всё прекрасное и правильное, что есть в этом мире.

Но мы – должны были дать толчок для общества, чтобы приблизить наш народ к новой жизни, которой, может быть, будут жить наши дети, а может и наши внуки. Пусть судьба улыбнётся им больше, чем нам; и пусть это будет добрая улыбка, а не подлая. И пусть этот день станет одним из тех, что меняет ход истории.

Мы – не жители восточноевропейских государств, народы которых воспринимают террор со стороны собственной власти как должное. Мы – французы – и будем отстаивать свой выбор и свою свободу до того момента, пока тираны не посадят в клетку последнего свободного человека – чего не

произойдёт никогда. Пока есть французы – есть и Франция. А Франция – не погибнет никогда. Да здравствует Коммуна! Да здравствует Свобода!

Моего лучшего друга в то время звали Жоржем – в честь Георгия Победоносного. Он был ещё таким молодым, но уже несчастный.

Нас обоих возмущало, что негодяи и проходимцы, вышедшие из толпы зевак – теперь занимали высокие и уважаемые посты в новом правительстве. Жорж просто видел, что Коммуна не в силах сделать людей счастливыми. А меня не покидало жгучее чувство, что я всё это уже где-то видел.

Мой друг вглядывался в кофейную гущу на дне своей чашки, будто действительно верил, что сможет увидеть в ней своё будущее. Наш столик стоял в самом углу кофейни «Утомлённое Солнце», владельцем которой на данный момент был некий Жюль. Мы заказали себе завтрак, который стоил как дневное жалование рабочего. И им всё равно нелегко было наесться. Жорж был одним из тех, кому нечего было терять в грядущей гражданской войне; он был одним из тех немногих, кому мне действительно хотелось уберечь от грязи и дыма поля битвы. Юный Жорж, которому в день парижского восстания семьдесят первого года исполнилось всего двадцать лет. А знакомы мы с ним были уже пять лет. Он был сыном портнихи и выходца из рабочего класса, которого убили в пьяной драке десять лет назад. Революция вдохновляла его. Но жизненный курс не изменился – он был

солдатом национальной гвардии, вся жизнь которого протекает в наблюдениях страданий множественных других.

— Когда мы победим, — оторвал он меня от мыслей о городской политике, — страдания нашей страны только начнутся.

И я был согласен с ним. Но так будет не всегда: народ, который один раз восстал — уже труднее вновь заковать в цепи. Европа ещё вступит в период своего немыслимого рассвета, в котором свобода и права — будут цениться выше денег и безопасности. Это была капля мёда в бочке дёгтя — радость и надежда, которая живёт глубоко в умах людей всегда, даже в самые тёмные времена.

На площади, отделявшей центр города от бедных кварталов, танцевала девушка. Я как раз проходил мимо в тот момент, распрощавшись со своим другом и возвращаясь домой. Я бросил на неё всего один рассеянный взгляд и уже не мог оторваться; мне показалось, что я знаю её. Конечно! Я видел её вместе с Жоржем. Не только я один, но и много других мужчин обратили на неё внимания и стояли теперь на одном месте, позабыв, куда направлялись. Она напоминала мне тех прекрасных галльских девушек, которые были настолько чисты и беззаботны, что могли найти повод для праздника даже в годовщину смерти собственного отца.

Засмотревшись на неё, можно было забыть, что значит моргать. Любому бы на моём месте стало ясно, чего такого нашел в ней Жорж. Удивительно было только, почему среди всех прочих она выбрала именно его. Я бы сам не отказал-

ся от такого приза, будь у меня шанс. А пока: мне приходится довольствоваться тем, что я могу найти в пятую рабочую четверть у любого кабака за пятьдесят сантимов. А днём: я участвую в собраниях народного комитета. Я мог только порадоваться за своего грустного друга: он просто исполняет приказы старшины полка и не в ответе ни за что; и просто любит свою красотку, которая делает его счастливым. Счастливый, грустный друг. Как же ему повезло.

А затем произошло то, чего и следовало бы ожидать. Это выглядело как неизменный ритуал, которому сотни лет. К девушке, которая танцует на площади и радуется своим видом отчаявшихся мужчин подбегает старуха, в три раза старше неё, и трижды даёт ей пощечины, призывая её вспомнить, где находится уготованное для неё место.

А дальнейшие события напоминали уже спектакль, которому самое место в репертуаре бродячих театров, выступавших на деревенских сценах более полувека назад.

Подбегает другая женщина – мать уже не такой беззаботной танцовщицы, которая один в один пожилая копия собственной дочери; ей ещё неизвестно, что только что произошло. Я и ещё несколько мужчин подходим ближе, чтобы внимательнее услышать грядущий диалог и глубже вникнуть в самую абсурдную суть происходящего. Наше присутствие здесь так же должно было сыграть роль сдерживающего механизма на случай, если ситуация накалится – предотвратить драку, если женская чувствительность доведёт их до

подобных мер.

– Вы только посмотрите на неё! – на одном выдохе пищит женщина с крепко стиснутыми кулаками, которым позавидовал бы и кузнец, – посмотрите только на эту старую потаскуху, прибегающую на первый свист и на её паршивую дочь! Они тут веселятся, бездельничают, пока все мы – стоим одной ногой в могиле и одним шагом – всего в одном – от голода!

– Да что вы себе позволяете, – неудачно постаралась возразить уже не такая богатая и влиятельная госпожа.

Я подошел совсем близко и помог девушке подняться – она вряд ли понимала, что происходит вокруг.

– Я друг Жоржа. Мы уже виделись раньше, но он забыл нас представить. Как твоё имя?

– Мария.

Я назвал ей одно из своих имён, обнял и постарался увести подальше от разборок её матери со своими бывшими подчинёнными, наконец-то получивших возможность безнаказанно высказать все свои накипевшие претензии прямо в лицо госпоже, не опасаясь последствий своих слов.

– Эта пышная корова эксплуатировала меня двадцать лет, обрекая меня и всю мою семью на страдания и несчастья.

– Вы не смеее так со мной разговаривать! Я дала вам всё; и даже больше...

– У вас – нет совести мадам.

– Я дала вам работу, жильё, зарплату...

– И за это – только послушайте! – я должна была подти-

рать ей задницу по четырнадцать часов в день без единого выходного. И вся моя семья.

– Позор! Это такой позор...

– Я была её рабой. Но больше – мы такого не допустим. Мы свергли буржуазную власть и теперь у нас такие же права, как и у вас. Твоя дочь должна работать так же, как и моя – мы все равны! Давайте, товарищи, долой проклятых буржуа! Пусть они работают так же, как и мы.

– Свобода! Равенство!..

В такие времена – всегда следует держаться подальше от шумных площадей. Буржуа Парижа избрали себе путь конформизма – отсиживаться в своих квартирах, не выступать с критикой Коммуны, помогать друг другу и каждый день ждать, пока к ним не вернётся былое уважение и могущество. Но Мария выступила вподдержку Коммуны и вступила в комитет женского самоуправления. Теперь ей придётся терпеть издёвки и насмешки от тех, с кем у неё одинаковые цели и пути.

Дни и ночи – все мы работали, при этом оставаясь без зарплаты. Теперь мы можем отомстить за всё; но мне – всегда было жаль невинных, которым просто не повезло родиться в интересное время. Но, может быть, после революции, чем бы она ни кончилась – люди наконец-то смогут получить право есть, учиться, работать, думать, любить.

– С тобой всё в порядке? – спрашиваю я её.

– Да, только голова немного болит.

– Это скоро пройдёт – ни о чём не беспокойся. У меня дома есть немного кофе – я сварю его для тебя, а потом мы вместе направимся к Жоржу. К тому времени, толпа охладит немного свой пыл. Они поступили с тобой несправедливо. Ты ведь помогаешь Коммуне.

Мы зашли во двор, где я снимал свою тесную комнатку. Мой интерьер был обставлен побогаче, чем у многих остальных – возможно, я даже немного злоупотребляю своими связями и дружбой со многими влиятельными парижанами. Я достал спиртовку и поставил на неё кастрюльку с кофе. Я подержал немного зёрна мельчайшего помола на огне, а затем залил холодной водой.

– Так кофе готовят на востоке – в тех странах, где люди и открыли волшебные свойства этого напитка.

– Раньше, я пила кофе только с молоком.

– Прости, но молока у меня нет – мне его приносят раз в месяц и даю я за него семь франков крестьянину из Бургундии. Но ничего уже не осталось.

Я стал объяснять:

– С зарплатой в пять франков в день и такой щедрой душой как у меня – начинаешь забывать вкус хорошего вина, свежего хлеба и жирного мяса. Приходится жить, как есть – но мне не на что жаловаться. Я знаю много хороших людей, которые за свой труд получают по два, по полтора, а то и вообще по одному франку в день. Особенно сейчас – этого ни на что хватить не может.

– Вы – хороший человека, – сказала она, улыбнувшись и принимая у меня из рук потрескавшуюся чашку с горьким и крепким кофе.

Да, жизнь в Париже не легка – она так же горька, как и первый глоток моего кофе.

– Знала бы ты меня получше, – сказал я, глядя не на неё, а в дыру в стене, служившую мне окном, – не торопилась бы с выводами.

Во дворе послышался крик. Я выглянул в окно и ответил:

– Эй, что ещё?

– Эти безбожники кидают камнями в нашу святую церковь!

– К чёрту церковь! – донесся до нас звонкий женский голос из другого окна, – она захватила и эксплуатирует всё – вплоть до образования. Моя дочь ходила в церковную школу, но я забрала её оттуда и больше не пущу. Там не место детям – там их учат подчиняться силе, а не грамоте.

– Безбожница! Гореть тебе в Аду.

– А вы – проклятые рабы – что б кости ваши сгнили в земле, которую вы сами превратили в кладбище невинных! Слава Франции! Да здравствует Коммуна!

Дело уверенно двигалось в сторону ещё одной драки – на этот раз, уже под самым моим домом. Так бы всё и произошло, если бы не один человек, который зашел ко мне во двор и встал между двумя кучками разъярённых мужчин и рассерженных женщин. И им пришлось подчиниться. Меня ре-

шил навестить сам офицер национальной гвардии – один из тех героев, в которых нуждался Париж; и которые сами нуждались в Париже, а потому были верны ему до конца.

Просто так он никогда бы не зашел сюда; но он пришел навестить меня. Мне пришлось в один глоток разделаться с кофе, извиниться перед Марией за вынужденную неловкость и выбежать во двор, чтобы пожать руку своему гостю и давнему другу.

– Пан Домбровский! – сказал я, – сколько лет мы уже не виделись.

Ярослав Домбровский – только тот, кто может призвать толпу к бунту, может её же и усмирить. Он был одним из самых талантливых военачальников коммуны. Очень скоро, ему суждено будет стать комендантом Парижа – мера, которая всё равно не сможет никого спасти.

– Я не считаю зимы. Я надеялся, что ты когда-нибудь вернёшься в Варшаву и мы встретимся там. В Париже много поляков, но почти ни с кем из них у нас не совпадают взгляды. А с тобой – мне всегда было приятно общаться.

– Уж не за одним лишь мною ты приехал в Париж?

– Я здесь, чтобы исполнить свой долг. Мы потеряли Польшу; но Францию – я так просто не отдам. Мы не повторим ошибок прошлых бунтов. Меня беспокоит лишь одно: в Польше поляки сражались против русских; но здесь французам приходится убивать других французов. Многих это беспокоит... Но не будем о грустном. Я слышал, ты состо-

ишь в одном из комитетов?

– Да. Свою роль в Коммуне я играю.

– Если честно, не обижайся, но я удивился, когда узнал, что ты здесь. Мне почему-то казалось, что сбежал в Америку – сейчас все, кому не лень бросают всё и переплывают океан, будто переходят через реку. Я и не верил в то, что мы ещё увидимся. С тех пор ты почти не постарел.

– Здоровье хорошее. А залог долголетия – хорошее настроение. Оно помогло мне пережить не одно народное восстание – поможет справиться и с этим. Будем верить в то, что мы поступаем правильно.

Краем глаза я заметил, что всё это время Мария наблюдала за нами из окна. Она вряд ли знает хоть слово по-польски. Я перешел обратно на французский:

– Ярослав, позволь мне кое с кем тебя познакомить.

И я жестом подозвал свою гостью к себе.

– И что же это за прекрасная мадемуазель?

Я представил их обоим:

– Мария, это генерал Ярослав Домбровский, – он взял её руку в свою и поцеловал, – мессье генерал, это Мария.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, мадмуазель.

– И для меня тоже, генерал, – кивнула она.

– Жду тебя утром в ратуше, – развернулся ко мне Домбровский, – всем нам, ответственным за Коммуну, есть о чём поговорить.

С этими словами он ушел, будто ему нечего было больше сказать.

Нам с Марией тоже, самое время было идти к Жоржу. Я говорил ему, что навещу его сегодня вечером. Наверное, он уже ждал нас.

По дороге мы прошли мимо ателье мадам Рабли, насколько лет назад сшившей мне замечательный, удобный пиджак, который и сейчас украшает мои плечи, пока Парижская Коммуна в расцвете своих сил. Правда, теперь у двери стояли не клиенты, а возмущённые портнихи, которые, не стесняясь никого, громко о чём-то спорили. Я решил подойти и спросить их о том, что произошло. Вскоре, мне пришлось пожалеть о своём любопытстве.

– Мне уже неделю, как не поступают заказы, – жаловалась владелица ателье, – мне нечем платить своим работницам. Совсем нечем.

– Пусть продаёт свои драгоценности, проклятая буржуйка, – сказала одна из портних, – три дня назад наши отважные солдаты казнили двух генералов-душегубов и показали всем господам, на что мы способны. Они умерли, потому что страдал народ. Но больше – мы не будем мириться с несправедливостью. Настало время перемен, правда, месье?! Да, девочки?!

– Да!

И нам с Марией ничего не оставалось, кроме как идти дальше. Она, которая совсем недавно танцевала от счастья,

теперь чуть не рыдала. Я старался успокоить её, напевая полупшепотом какие-то старинные французские мелодии.

Наконец, мы добрались до многоэтажного дома, где жил Жорж и поднялись к его квартире на втором этаже.

– Безумие, – сказал он, как только мы вошли внутрь, – на улицах творится абсолютное безумие.

– Наконец жить стало интереснее, – неудачно попробовал я пошутить, но меня уже никто не слушал.

Жорж, видимо, ожидал увидеть меня одного. Прямо с порога, Мария выкрикнула его имя и направилась к нему. Молодой гвардеец не двигался с места, пока весь мир ему не заменила его единственная спутница на жизненном пути. Они обняли друг друга и забыли о том, что я стою рядом. Мне, как скромному гостю, ничего не оставалось, кроме как тактично оставить их наедине друг с другом. Будь я моложе хоть на пару столетий – я бы, наверное, завидно поглядывал на них со стороны. Но мне уже даже этого не хотелось. Я мог только отчаянно ждать, пока судьба подарит мне шанс на спасение.

Не знаю, какое такое безумие Жорж увидел на улице. Я подошел к маленькому окну в соседней комнате, служившей для Жоржа чем-то вроде кухни, туалета и гардероба. Мимо проносились люди – кто бегом, а кто упорно делая вид, что ему некуда торопиться. Мне чем-то нужно было занять время – домой я в любом случае не торопился.

Пока двое любовники по соседству забыли обо всём, че-

рез дорогу все окна были уже заколочены досками. Не многие в Париже действительно понимали, что происходит вокруг – они старались жить мирно, вели себя так, будто ничего не произошло. Но тем временем внутри каждого из них прорастало зерно того самого безумия, про которое говорил Жорж. Если на улице всё слишком спокойно в далеко неспокойные времена – то самое страшное ещё только впереди.

Пока я смотрю в окно, я улыбаюсь. Нет, не из-за криков и стонов любовников из соседней комнаты – их я как раз стараюсь не замечать. Я думаю о том, что настанет день – и все наши усилия откликнутся в сознании сотен миллионов людей по всему миру; и именно им придётся продолжить наше дело – взять инициативу на себя и брать с нас пример.

Даже сокрушительные поражения – всегда приводили к изменениям, ради которых стоило идти до конца.

Я долго мог ещё вдохновляться этими мыслями. Но один человек из толпы, который не прошел мимо и остановился прямо напротив моего окна – заставил меня резко переключиться на другую тональность. Я не стал терять времени и осторожно вылез из окна, спрыгнув вниз на землю со второго этажа. Этому особому человеку пришлось аж оторопеть от неожиданности, когда я спустя всего секунду уже крепко сжимал того в объятиях.

– Ну и день сегодня задался! Столько знакомых лиц. А ты-то какими судьбами здесь?

Я щедро дал ему три секунды прийти в себя после встречи

со мной.

– Поверь, тебя я рад видеть не меньше. Но это ведь не повод ломать мне все рёбра! Да чтоб ты знал: я был здесь с самых первых дней восстания – я сам был одним из тех героев, которые схватили генералов-преступников. Ты знал, что они отдали приказ стрелять в женщин и детей?! Надеюсь, оба они сейчас горят в Аду.

Всё это он сказал на немецком – языке, которому как можно реже стоило звучать на этих улицах. Польский генерала Домбровский – ещё куда ни шло; но вот немецкий, когда со дня позорной капитуляции Франции в войне с Пруссией не прошло и года... Впрочем, я никогда не сомневался в безрассудстве Фридриха – хорошо хоть его не хватило на участие в лихой франко-прусской войне.

– Перестань. Говори на французском, если тебе дороги целые руки и ноги. Забыл, куда попал.

– Не дрейфь, дружок, – с пафосом просвистел он на местном наречии, – этот язык – мой второй родной. Но мы с тобой – немцы – можем, где угодно говорить на своём языке.

Да, для Домбровского я поляк, а для Фридриха немец; для Жоржа и Марии я, конечно же, француз. Слишком сложно будет объяснить им все тонкости моей проблемы с самоидентификацией.

Фридрих тем временем осмотрел меня с головы до ног:

– А ты нисколько не изменился – за столько лет-то.

– Молодой дух – не стареет никогда.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Куда ни погляди: в Париже кругом одни приезжие и иностранцы, будто для них был построен этот великий город и именно им выбирать его судьбу. Именно нам с тобой – и не важно, на каком языке мы будем это делать.

По необъяснимым причинам мы засмеялись друг для друга и натянули на себя улыбки, обращаясь ими к Парижу и ко всему миру в целом.

– Пойдём, я покажу тебе одну кофейню, – сказал ему я и добавил, – впрочем, ты и так, наверное, знаешь, про что я. Все якобинцы, анархисты и противники власти с шестьдесят восьмого года встречаются и проводят свои собрания именно там.

Кофейня «Утомлённое солнце» – мы оба прекрасно знали, что означают эти слова.

– Да что ты...

– Ты обязательно должен её увидеть.

Кофейня находилась на несколько улиц левее от Латинского квартала – совсем неподалёку от богатых районов, но и не отдаляясь от бедных.

В былые времена художники и ораторы могли встречаться здесь и обсуждать последние новости, свободно высказывать своё мнение и не опасаться жандармов, в любой миг грозивших вломиться в эти двери. В те прекрасные месяцы кофейня была главным храмом и штаб-квартирой подпольной оппозиции. Но теперь, когда давняя мечта о новой революции

свершилась, почти все завсегдатаи кофейни переехали в городскую мэрию и их места заняли пьяницы и гуляки.

Несмотря ни на что, народу в кофейне было больше, чем когда-либо; хозяин и несколько официантов едва успевали разносить заказы. И если раньше здесь было шумно, то теперь – гам стоял такой, что невозможно было услышать даже собственные мысли.

– Что-то это не похоже на место, где зародилась революция, – сказал Фридрих, когда мы зашли внутрь, – но мне нравится.

Он снял шляпу и закричал на всю кофейню:

– Товарищи, да здравствует Коммуна.

– Да здравствует Коммуна! – раздался крик в ответ.

– Здесь всё слишком изменилось. Прошло всего несколько часов.

– Давай лучше покурим на крыльце – внутри нам всё равно протолкнуться не дадут.

Так мы и поступили.

Хозяин, знавший меня уже не один год, всё равно вынес нам две чашки с кофе, за что я наградил его однофранковой монетой. За эти деньги можно было позволить себе целый обед в какой-нибудь дешёвой забегаловке, но я не мелочился.

– Я бы вынес вам стол и стулья, – развёл в стороны руками хозяин, – но вы сами видите – всё занято.

– Ничего. И без них обойдёмся, – и я добавил, – а ведь эта

толпа бушует уже третий день на улицах. Теперь вот к вам пожаловать решили.

– Пока платят – не выставлять же их.

– Интересно, откуда у них деньги, что хоть целый дворец возвести можно?!

Но на этот вопрос, естественно, ответа не последовало. А сам хозяин – удачно скрылся где-то в гуще толпы.

Я засмолил папиросу и сделал первый глоток кофе; Фридрих тем временем всюду дымил своей трубкой.

– Вижу, великий революционер ещё не отвык от роскоши.

– Перестань; настанет время – каждый сможет позволить себе маленькие радости жизни. Как ни крути – от своей семьи человеку всё равно никак не избавиться. Особенно, если она, к несчастью, так богата, влиятельна и знаменита.

Он перешел на шепот, разделавшись одним глотком с доброй половиной чашки:

– А эта мадмуазель и месье в соседнем окне... Прости, что спрашиваю сейчас, но они выглядели настолько буйными и страстными, что я просто не мог тогда не остановиться у твоего окна.

– А я ведь думал, что это ты меня заметил.

– Нет, тебя-то я конечно рад видеть тоже. Но эти двое – особенно мадемуазель... Париж, что и говорить – люди здесь более открыты.

– Не засматривайся на неё, – и тут я поймал себя на ревнивом тоне, – её кавалер – мой лучший друг в этом городе.

Конечно, я тебя с ними познакомлю. Но Жорж на штык посадит любого, кто только посмеет обидеть её.

– Конечно! Я ни о чём таком и подумать не мог.

А я мог – стыдно признавать, пусть даже и перед собой. Я нарочно отпугивал Фридриха взрывным характером Жоржа – он хоть и служит в национальной гвардии, настоящего ада сражения ещё не видал и был таким себе примером детской наивности.

А Мария – в ней было нечто волшеббно-человеческое и правдивое. То самое свойство, что в глазах других и старуху запросто может превратить в девочку. Этим она притягивала всех, кто её окружал; и даже тех, кто видел её впервые. Но это, конечно, было лишь первым впечатлением. Чем ближе ты подбираешься к ней, тем больше понимаешь, сколько слоёв скрывается под её невинно чистой кожей. Дьяволица, принцесса; невинная и распутная – это всё была она. И как только такой герцогине сердец было достаточно одного Жоржа – маленького и наивного солдата, которого вскоре неизбежно позовёт за собой судьба в преисподнюю передовой?! Ей нужен был такой как я – опытный, мудрый и выдавший больше, чем кто-либо из людей. Она нужна была мне – разбавить собой серую горечь бесконечно тянущихся вдаль дней. Я должен был ждать, пока они закончат свой танец вдвоём, чтобы втиснуться в него в самый подходящий момент. Ждать, а затем появляться вовремя – это то, чему я учился не одно столетие и в чём достиг несравнимого со-

вершенства. И Фридрих – мог помочь мне в этом по-своему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.